

~~Д 794~~ Рос 4-4
1-622

№ 49-й.

ЯНВАРЬ 1924 Г.

Цена 15 ц.

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩИЙ
- ДУХ СОЗИДАЮЩИЙ

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

1-у

С О Д Е Р Ж А Н И Е :

Пятый год.

Социализм, анархизм и русская революция.

Манифест анархистов коммунистов.

О мире всего мира.

Свобода, государство и анархия.

Закон внешний и закон внутренний.

Первое Международное Товарищество Рабочих.

Часы жизни. (Стихотворение).

Как и в каких условиях надо строить жизнь на свобод. нач.

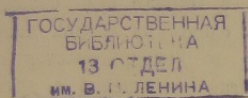
Фантазия.

Призыв наших японских товарищей.

Возрожденный Китай (Стихотворение).

Памяти анархистов погибших в борьбе за анархию (Стихот.)

Отчеты и заявления.

64-185

ПЯТЫЙ ГОД.

С выходом этого номера, журнал "Волна" начинает пятый год своего существования. Хотя в честь этого события мы не собираемся устанавливать день праздника, но в то же самое время оно заслуживает того, чтобы быть отмеченным, как одно из отрядных и подбадривающих явлений. Не многие органы анархистской печати в России и за-границей доживали даже до такого сравнительно молодого возраста и почти сплошь да рядом погибали, не успевши расцвести. Трудности издания анархистского журнала, в особенности подпольного, чрезвычайно велики.

Пусть товарищи в Европе не думают, что политические и полицейские условия в Америке гораздо лучше и благоприятнее для нашей деятельности, нежели в их странах. Не из-за любви к таинственности нам пришлось залезть и оставаться в подполье. Нас загнала туда кровавая американская буржуазия, поставившая анархистов вне закона, и ведущая против них самую ожесточенную истребительную войну. Хотя сама буржуазия, на законном основании, или вернее по своему произволу, грабит труд миллионов поработанных рабочих, хотя содержимые ею чиновники, полицейские и войска ежегодно убивают, калечат и бросают в тюрьму десятки тысяч рабочих — эти плотоядные хищники из человеческой породы имеют нахальство и наглость считать анархистов "разбойниками", "вредными преступниками", "бандитами" только потому, что анархисты выступают против всех видов и форм обмана и надувательства: экономического, политического, демократического, республиканского, социалистического и т. д., указывают верный путь к свободной, справедливой и вольной жизни и призывают угнетенных, обездоленных и эксплуатируемых к свержению шайки эксплуататоров и насильников-капиталистов и разрушению созданной ими во-

ровской государственной системы для защиты награбленного ими богатства.

Ни в одной стране в мире нет такого тонкого и жестокого грабежа рабочих, как в Америке. Американские капиталисты пользуются не только нуждой рабочего, чтобы выжать из него последние соки, но побуждают его к усиленной производительности заманчивой, высокой заработной платой. Работай, брат, производи побольше богатств, много заработаешь, а мы, капиталисты, найдем способ, как выудить из твоего кармана в свой заработанные тобою деньги. Рабочих этим путем вводят в заблуждение. Они ходят, как в заколдованном кругу. Смотришь, у рабочего как будто бы завелось сбережения. Капиталист замечает это, приостанавливает работу на фабрике, или начинается кризис, сбережения проживаются и рабочий опять у разбитого корыта. Ну, разве это не славные и не идеальные порядки в нашей буржуазной Америке?..

Вполне понятно, что американская демократия, прикрывающая плащом законности такой хитро-замаскированный грабеж трудящихся, не может терпимо относиться к анархистам, которые давно уже поняли этот буржуазно-демократический механизм и стараются открыть на это глаза тем массам, которые являются дойной коровушкой американских капиталистов. Не потому американская демократия охотится на анархистов, бросает их в тюрьмы или депортирует из страны, что они бросают бомбы, грабят и убивают богачей и чиновников. Анархисты, за редкими исключениями, прибегали к насилию, как средству пропаганды своих идей. Пулей, бомбой, виселицей и тюрьмой нельзя никому и ничего доказать. Всем этим широко пользуются буржуазия и правители, ибо у них нет лучших аргументов, им не на что опереться, кроме грубой силы.

Если в Южной Америке анархист Вилькенс взорвал бомбой полковника Варела, то надо не забывать и того, что Варела, при усмирении Патагонии, пролил реки рабочей крови и расстрелял тысячи безоружных рабочих. Подобная расправа с извергом встретила всеобщее сочувственное отношение и оправдание поступка Вилькенса, и этим объясняется тот факт, что кровавая аргентинская буржуазия убила его в тюрьме, так сказать, из-за угла, опасаясь, что бы он не был оправдан даже буржуазным судом.

В не меньшей мере мотивированным и оправдываемым с анархистской точки зрения надо признать покушение на жизнь японского регента-принца. (Жаль, что этого подлеца и мерзавца миновала пуля и погиб храбрый товарищ). Подвиги и расправы японских властей и натравливаемой ими черни, с корейцами, китайцами и, вообще, радикальными элементами во время недавнего землетрясения только теперь начинают высвистываться. И те, далеко не полные, подробности о погроме, проскользнувшие к нам из Японии, привели весь мир в ужас и содрогание своей воистину азиатской изобретательностью и жестокостью. Возмутительный массовый погром не мог оставаться не отомщенным.

Два эти случая террористических актов вполне выявляют характер и мотивы их. В обоих случаях акты были совершены в ответ на правительственный террор и зверские расправы. Тов. Вилькенс не убил бы Варелу, если бы последний не погубил тысячи жизней невинных рабочих. Японец-террорист не стрелял бы в регента-принца, если бы им не были допущены неслыханные в истории Японии массовые погромы и зверства. В таких случаях не только анархист, а всякий порядочный человек, как в 80-х годах имело место в России, в случае с Верой Засулич, может быть вызван на совершение террористического акта и ни один суд в мире, если он только смог бы остаться в рамках беспристрастия, не мог бы осудить террориста, выступающего в качестве мстителя за совершенные злодеяния.

Если в некоторых странах даже буржуазные суды, прижатые логикой аргументов, при-

нуждены оправдывать террористические акты (недавно, например, в Париже суд оправдал анархистку, убившую одного из вождей монархистов во Франции), то демократическая юстиция Америки известна совершенно с другой стороны. Из истории Чикагской драмы мы знаем, что "справедливый и милостивый" американский суд послал на виселицу пять анархистов, не виновных в совершении никакого террористического акта, а только потому, что повешенные лица были анархистами.

Не взирая на прогресс и эволюцию, американская буржуазия все еще питает зоологический страх при слове "анархист", и в перепуге способна на всякие гадости и подлости против попавшегося ей в руки анархиста. Богатей и жирей не по дням, а по часам, она дрожит и трясется при звуке всякого слова, которое заключает в себе прямую или скрытую угрозу ее благосостоянию. Буржуа в настоящее время набрался черезчур уж много, и страху его нет предела. Его давит кошмар революции. Ему уже мерещится, как нагрянувшая революция раздавит его, как клопа и то, что он наворовал, под охраной закона, станет достоинством не одного паразита, а всех трудящихся.

В страхе перед надвигающейся революцией мечется, как угорелая, американская буржуазия. Конституция Соед. Штатов, "гарантирующая" известные свободы, давно уже стала клочком бумаги и меньше всего с нею считаются и ею руководствуются представители власти. Некоторые из них до того помрачены, что свою собственную конституцию считают крамольным документом и запрещают чтение ее на публичных собраниях. Настолько американские толстокожие боязливы и трусливы, что не могут вполне довериться и положиться на ими избираемое и назначаемое правительство и создают свои собственные открытые и секретные организации: разные патриотические лиги, легионы, общества вроде Ку—Клукс—Клан и т. п., имеющие целью активную борьбу с революционными элементами, рабочими организациями и всем тем, что угрожает или мешает господству буржуазии.

Несомненно то, что американская буржуазия подготавливается и мобилизует все темные

силы для наступления по всему фронту, чтобы уничтожить грозящую ей опасность устройством погромов и Варфоломеевских ночей. Пока что подобные упражнения и репетиции производятся в малом масштабе, где нибудь в глуши, над попавшимся крамольником. Но надо сказать, что подвиги "рыцарей ночного колпака" (Ку—Клукс—Клан) — не одна невинная забава соскучившихся от безделья в каком либо медвежьем уголке патриотов, а серьезная попытка буржуазии создать сильные тайные организации по всей стране не только для разгрома революционных и рабочих организаций, но и установления рода фашистской буржуазной диктатуры и открытого разрыва со старыми конституционными традициями.

В такой напряженной обстановке и предчувствии атак со стороны буржуазии, трепещущей за свое существование и готовой на всякие средства борьбы за спасение своего господствующего положения, приходится вести свою работу революционерам всех оттенков в Америке, против которых буржуазия топчет свой меч. И нет никакой уверенности в том, что в одно прекрасное время не может не повториться снова палмеровщина в более широком размере, с более плачевными последствиями, если революционеры и рабочие организации не примут соответствующих мер и не подготовятся к отражению нападения. Во всяком случае, надо быть ко всему готовыми и не успокаивать себя надеждой, что дни палмеровщины миновали и больше не повторятся.

* * *

Четыре года, как "Волна" шумит, бурлит и волнует наши думы. Дитя русской революции, создание и творение самих рабочих масс, прошедшее сквозь муки и пытки палмеровщины, она сжилась и стала составной частью каждого из нас, вошла в нашу плоть и кровь. В этом трогательном факте надо искать объяснение того, что начатая с неимоверными трудностями, почти при полном отсутствии каких бы то ни было интеллектуальных сил, "Волна" не умерла, а наперекор всем стихиям, продолжала жить, расти и укрепляться.

Каждый раз, в минуту опасности, когда гро-

зило крушение, ей неизменно являлись на выручку вызвавшие ее к жизни силы и спасали от гибели отважного борца в бурях житейского океана. В теперешнее черезчур критическое время различных переоценок или вернее недооценок ценностей, когда люди мнутя из стороны в сторону, не зная к какому берегу причалить и за что ухватиться, когда убеждения меняются чуть ли ни с каждым дуновением ветерка, — отродно указать на то, что здоровое рабочее чутье подсказало верную позицию, которую все эти годы занимает "Волна", послужившую твердым фундаментом для всей последующей работы.

Волновцы в Америке были первыми, почувствовавшими большевистский обман и восставшими против какой бы то ни было совместной работы анархистов с большевиками, как здесь, так и в России. Встреченные, благодаря такому выступлению, холодно и даже праждебно со стороны синдикалистически настроенных анархистов в Америке, товарищам ничего не оставалось, как только выжидать развития событий и практических результатов большевистской авантюры.

После депортации анархистов на "Бофорде", из России, от наших товарищей, начали доходить свидетельства, целиком подтверждавшие все наши предположения и опасения за исход русской революции. Не только зрячим, но и слепым пришлось признать справедливость всего того, что нами говорилось и писалось о большевизме, когда сомневающиеся собственными глазами увидели раны и язвы на теле русской революции.

Не одним криком и разоблачениями действительной сущности большевизма ограничилась "Волна", а все время сама вела и призывала народные массы к активной борьбе против красной тирании, к новой анархистской революции и полному уничтожению всех корней и зародышей власти и капитализма во всех странах, во всех видах и формах.

Без преувеличения можно сказать, что "Волна" сыграла очень значительную роль и в организационном смысле. Распространение в обществе анархистских идей обуславливается бо-

льше всего наличием объединений, всецело отдающихся этой работе. В Америке и в других странах пропаганда анархизма велась отдельными выдающимися личностями индивидуально, и хотя она после себя оставила некоторый след, однако, в большинстве случаев не имела длительного влияния, а созданное ею настроение таялось, как только почему-либо прекращался контакт массы с лицом, оказывавшим на нее непосредственное влияние. Иными словами говоря, успех анархистской пропаганды в значительной мере зависит не столько от отдельных анархистов, сколько от создания объединений и организаций, существующих для этой определенной цели.

Поэтому "волновцы", с первых шагов своей деятельности, направили усилия на создание возможно большего количества групповых объединений. Они понимали, что анархистское движение в Америке может быть поставлено на прочный фундамент только в том случае, если в своей работе оно будет опираться на групповые объединения, или иные, созданные для этой цели, организации. Удастся нам создать по лицу Америки группы, говорили товарищи, будет все: журнал, анархистская литература, массовое движение и т. д. Товарищи не ошиблись в своих предположениях. Все это теперь является совершившимся фактом. И мы с полным основанием можем сказать, что, благодаря проделанной "волновцами" работе, русское анархистское движение в Америке твердо стоит теперь на занятой им позиции, смогло отразить все атаки, выйти с честью из всех испытаний и затруднений, встретившихся в эти четыре года своего существования и отстоять себя от всех попыток наших многочисленных врагов и "друзей" разбить или разложить бескомпромиссное анархокоммунистическое движение.

Наше четырехлетнее существование является лучшим ответом на критицизм групповой формы объединения, исходящий время от времени от наших синдикалистствующих товарищей. Их массовые "грандиозные" легальные организации скорее всего являются мечтой, нежели действительностью, не говоря уже о том, что в принципиальном отношении они иногда настолько не-

устойчивы, что распадаются при малейшем неблагоприятном дуновении ветерка. И опять такая идея группового объединения жизненна хотя бы потому, что большое всегда вырастает из малого, и поэтому мы не без основания можем сказать, что во многих случаях маленькие группы порождали большие организации. В росте, развитии и расширении анархистского движения собственно и заключается смысл нашего группового объединения.

Там, где это возможно и целесообразно, наша работа выходит за пределы группового объединения и ведется в более обширном масштабе. В тех же случаях, когда для открытой работы нет подходящих условий, приходится ограничиться групповой работой. Как автономная и самостоятельная единица, каждая группа сама ведет и намечает план своей работы и действий, имея, однако, в виду важность сохранения группового объединения и понимая, что последнее является опорой, поддерживающей всю нашу работу. Не будет групп и организаций — не будет и массового анархистского движения.

Четырехлетний опыт нашей работы несомненно указывает на то, что успех ее в значительной степени зависит и от многочисленности групп, принимающих в ней участие. Больше групп — шире работа. Вот почему особенно важно создание групп в тех уголках Америки, где их нет и появление новых групп в тех местах, где они уже имеются. Несколько товарищей, заинтересованных в распространении анархистских идей, сходятся вместе, сговариваются, списываются с ближайшей им известной группой и, наконец, завязывают непосредственные сношения с Федерацией "Волны". Таким образом начинается жизнь новой группы. Последние могут быть созданы по собственной инициативе самих товарищей, но товарищи групповики пусть сделают все от них зависящее, что бы привлечь в своих и соседних городах к нашей работе таких товарищей, которые для этого окажутся подходящими посредством объединения их в группы. Это явится большим шагом вперед и усилением нашего движения.

Мы не раз говорили, что рано или поздно и это время уже недалеко, когда анархистам

придется сыграть решающую роль в неизбежной в России новой революции и выставить там свой анархистский фронт против всех политических партий: белых, красных, розовых и голубых, стремящихся заковать трудовой народ в новые цепи власти и экономического порабощения. Особенно теперь, когда разложение и развал большевистской власти идет полным ходом и не сегодня, так завтра Россия снова загорится пламенем революционного пожара, анархистам надо быть наготове, чтобы во всеоружии знания и силы вступить в схватку с государственниками и помешать утверждению в ней новой власти и диктатуры какой бы то ни было политической партии.

Бодруйтесь, поэтому, товарищи, и будьте готовы встретить без всяких колебаний и метаний, по-анархистически, грядущие великие события. Они приближаются, стучатся в дверь, и звук этого стука более чуткие из вас уже слышат. Готовьтесь, а значит усиливайте вашу работу, воодушевляйте павших духом, будите уснувших, ободряйте сомневающийся, ибо безумцы, погубившие русскую революцию, уже гибнут и задыхаются в потоках пролитой ими крови.

Все эти годы "Волна" предвидела и говорила о неизбежности крушения большевизма в

России. Теперь она говорит вам, товарищи, что большевизм изжил все свои силы и энергию, еле уже дышит и находится на смертном одре. Дни его сочтены. Красный дракон все еще силится и прибегает к отчаянным средствам, что бы продлить свою предсмертную агонию. Но ничто не в силах спасти уже смердящий и разлагающийся труп большевизма. Это — мертвец, которого не спасет никакое чудо, никакие жертвы и потоки человеческой крови. Он умрет без плакальчиков и проклинаемый всеми, а на костях миллионов принесенных ему жертв освободившийся народ построит новый мир гармонии, красоты, правды и свободы.

Во имя всех великих идеалов, воплощением которых явится анархистское общество, русские анархисты в Америке, группирующиеся вокруг "Волны", все эти годы боролись, страдали и приносили различные жертвы. И мы не ошибемся, если скажем, что "волновцы" и в будущем останутся такими же стойкими, выдержанными и готовыми на все борцами за воплощение в жизнь идеалов анархии, а журнал "Волна" — их неизменным спутником и борцом против угнетателей и поработителей.

Январь 1924 г.

U. S. America.

СОЦИАЛИЗМ, АНАРХИЗМ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Г. Максимов.

VIII.

ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА.

Россия — страна крестьянская и земледельческая по преимуществу. Главная и основная масса ее населения — крестьяне. Революция не только не изменила ее крестьянского облика, но, наоборот, даже значительно увеличила сельское население в стране. Это увеличение шло за счет городов, главным образом за счет промышленного пролетариата, распыление которого, как результат гибели промышленности, происходило очень быстрым темпом. Например, к началу 1917 года в России насчитывалось

рабочих и служащих, занятых во всех видах промышленности, 7.328.000, а к началу 1919 эта цифра, по вычислению советского статистика Струмпина, понизилась на 41 %, т. е. до 3.010.000 человек. Все городское население страны, согласно данным переписи 28 августа 1920 г., составляло 21.158.518 жителей. Предварительные данные переписи 15 марта 1923 г., включая и гарнизоны, показывают увеличение городского населения; в 2123 городских поселениях можно считать 24 мм. жителей. Таким

образом остальные 0,8 населения России при-
ходятся на крестьянство.

Промышленный характер страны определя-
ется занятием основной массы ее населения. Ос-
новная деятельность русских крестьян — зе-
мледелие, значит, Россия подлинно крестьян-
ская и сельскохозяйственная страна. Отсюда можно
было бы заключить, что наибольшая часть зе-
мельной площади находилась в крестьянском
владении. Однако это далеко не так. До рево-
люции земля в Европейской России распределя-
лась следующим образом:

Казенных земель 138.086.168 десятин

Надельных крестьянских 138.767.587 дес.

Частных лиц и учреждений 118.338.688 дес.

Казенные земли находились или под лесом,
или вообще не были пригодны для земледелия
без значительных улучшений.

Под частновладельческими землями раз-
умеются: земли помещичьи — 101.735.343 дес.,
удельные — 7.843.115 дес., церковные — 1.
871.858 дес., монастырские — 733.777 дес.,
городские — 2.042.570 дес., казачьих войск
— 3.459.240 дес. и прочие — 646.885 дес.

Крестьянская же земля распределялась, по
данным 1905 г., между 12.277.355 дворами.
Значит, в среднем крестьянское хозяйство рав-
нялось 11,37 десятины. На самом же деле сред-
ний размер крестьянского хозяйства, за выче-
том неудобных для пахоты земель окраин, был
значительно ниже и крестьяне страдали от ма-
лоземелья. Хозяйства, например, бывших по-
мещичьих крестьян в среднем равнялись 6,7
десятины, а в некоторых губерниях и уездах
они были в два три раза меньше. К 1916 г.
число крестьянских дворов достигло 15.492.202,
размеры же крестьянской земли увеличились,
путем покупки, весьма незначительно. Значит,
к кануну революции малоземелье возросло.

Итак, Россия не только страна крестьян-
ская и сельскохозяйственная, но страна мелкого кре-
стьянского хозяйства, мелкого землевладения.

За год до революции в России насчитыва-
лось свыше 50 % малоземельных крестьянских
хозяйств; не мало было и совершенно безземе-
льных. Эти две категории — малоземельные и
безземельные — в совокупности составляли две

третьи всего крестьянства. Возрождение этих ка-
тегорий шло довольно быстро. Так, по статисти-
ческим данным дореволюционных лет видно,
что ежегодный прирост деревенского населения
равен 2 мм., из которых только 25 % поглаща-
лись городской промышленностью и промысла-
ми, не связанными с земледелием; остальные
75 % должны были размещаться на земле и
тем самым увеличивать число малоземельных хо-
зяйств и сельский пролетариат, размер которого
до революции исчислялся различно: от 1-го до
2½ мм.

Поэтому вполне понятна та сильная жажда
земли, которая имелаась в среде русских кре-
стьян. Русский крестьянин, веками живший в
общине, живший "миром", приобрел крепкие
общественные навыки и коммунистический
взгляд на землю. Его взгляды на землю были
не столько оригинальны, сколько стары. К на-
чалу революции крестьянин, не смотря на зе-
мельную политику Столыпина (1907 г.), —
проводившуюся в течение десяти лет, — стреми-
вшегося путем насаждения хуторских и отру-
бных хозяйств создать крепкий слой крестьян
собственников, на которых могло бы опираться
правительство, еще не вышел окончательно из
общинной стихии, не порвал с ее психологией,
не сбросил с себя ее одежды, ее взгляда на зе-
млю, который так противоречил всему развитию
нашей индивидуалистической, капиталистиче-
ской эпохи; но его общинная психология все же
была достаточно расшатана, что не замедлило
обнаружиться в революции. Но как бы то ни
было, крестьянство вступило в революцию с
лозунгом: "Земли, земли!" Английское кре-
стьянство XIV в., боровшееся против лэндлордов,
спрашивало: "Когда Адам пахал, а Ева пря-
ла, где был тогда лэндлорд?" и отвечало: "Зе-
мля принадлежит Господу Богу". Религиозное
обоснование борьбы английских крестьян XIV
в. против помещиков имело место и в русской
революции. Понятие, что "земля ничья, земля
Божья", еще крепко сидит в крестьянстве. Это
воззрение крестьян на землю осяатило неудав-
шуюся аграрную революцию 1905—6 г. г. с
пожарами, оно же сплотило все крестьянство в
1917 г. и вынесло смертный приговор помещи-

чему землевладению.

Земельный вопрос в России был основным. И его пытались разрешить различно. Не говоря о программах буржуазных партий, которые разрешали его реформистски, имелись и радикальные программы: "социалистическая", "национализация" и "муниципализация". Что касается последней программы, то мы ее оставим в стороне, ибо она не сыграла роли ни до, ни во время революции. На первых же двух мы должны кратко остановиться. Социализация земли в основе своей покоилась на правильно понятых стремлениях крестьян. В сущности, она построена на крестьянском принципе: "земля ничья, земля божья", с той только разницей, что ее обоснование лишено религиозного характера. Социализация требовала уничтожения собственности на землю, обобществляла ее и вырывала ее из торгового оборота; после социализации земля переставала быть предметом купли — продажи, и делалась исключительно предметом пользования. Каждый человек имел право на землю, и на то именно количество, которое он в состоянии был бы обработать своими силами, не прибегая к наемному труду. Уравнительно-трудовая норма — основа распределения земли. Она, таким образом, создавала среднее крестьянское хозяйство, не покушалась на его самостоятельность и не стремилась его централизовать, оставляя простор для свободного объединения усилий этих хозяйств, для свободного перехода к общественному коммунистическому землепользованию.

Национализация же, наоборот, уничтожала частную собственность на землю, передавала это право государству. Государство должно быть единым собственником земли, а крестьяне как бы пользователи ее, арендаторами. Распределяет землю государство, оно контролирует землепользователей и в известной мере предписывает им формы землепользования. Национализация не мирится с мелким хозяйством и стремится к крупному централизованному сельскому хозяйству, к созданию "хлебных фабрик": "Решение земельного вопроса может быть только таким же, как решение об устройстве промышленности".

Приверженцами первой программы были все полудецентралистические народнические элементы и анархические сторонники второй — все централистические элементы, все социал-демократы в том числе и большевики.

В плоскости этих двух возможных решений и развернулась борьба за землю.

Удержать крестьян от самочинного захвата помещичьих земель было трудно. Крестьяне захватывали их и делили между собой. В целях успокоения крестьян Временное Правительство, откладывавшее решение вопроса о земле до Учредительного Собрания, издало закон о прекращении всяких торговых земельных сделок. Но это не помогало, захваты по-прежнему продолжались. Из деревень поступали указы и пожелания; на основе этих наказов с—р. стоявшие у власти, готовили к Учредительному собранию закон о земле. Большевики в своей программе воспользовались оттяжками правительства решить земельный вопрос, требовали немедленного его решения, призывая крестьян решать этот вопрос самостоятельно. В целях приобретения крестьянских симпатий, большевики временно отказались от национализации. В силу этого Октябрьский переворот был поддержан крестьянами и большевиками фактически опустили всю жизнь — эсеровский проект закона о социализации. Первый закон о земле был опубликован 26—XII—1917 г. Он гласил: "помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа".

По этому закону помещичьи земли переходили в руки земельных комитетов. Дальнейшее земельное законодательство определило, что право на наделение землей из фонда имеют только малоземельные крестьяне и рабочие, наемный труд в земледелии не должен допускаться, и что уравнительная разверстка должна быть проведена не только на территории одной волости, но и на территории целого уезда.

Все эти пункты окончательно были закреплены в "Основном Законе о Земле" 19—II—18 г., а затем в законе о социализации земли, основной пункт которого гласил: "Всякое право собственности на землю, недра, леса и воды на

протяжении Р. С. Ф. С. Р. отменяется". Таким образом земля целиком, в том числе и крестьянская, перестала быть рыночным товаром. Однако, законодательство не успевало за разверстывавшимися событиями. К весне 1918 г. крестьяне уже успели поделить между собою наибольшую часть частновладельческой земли. Они же захватили живой и мертвый инвентарь помещичьих хозяйств, даже домашняя утварь во многих случаях была поделена между ними. Большевики имели власть, но не имели реальной возможности ее приложения, особенно в деревне, они еще не имели административного аппарата и физической силы. Поэтому в 1918 г. они приступили к организации беднейших крестьян в т. н. "Комитеты бедноты" ("Комбеды"). Эти "комбеды" должны были быть проводниками коммунистической политики в деревне и факторами, расслаивающими ее на классовые группы; борьба с кулачеством — их основная задача.

Под влиянием этих "комбедов", а отчасти и благодаря обнищанию, переделы земли, старой и новой, стали учащаться. В этих переделах крестьяне с большой строгостью стремились провести уравнилельное начало, начало равенства. Но, однако, эти частые переделы, происходившие внутри отдельных селений не разрешили вопроса, ибо, по сколько разверстка не была проделана между крестьянами всего государства, по сколько качество земли в различных районах различно, по столько, естественно, во всей стране земельное неравенство устранено не было.

К концу 1920 г. уравнилельная горячка стала падать. Крестьяне устали от переделов. Появились новые настроения: покончить с неопределенным и неустойчивым земельным порядком. У крестьян появилась потребность твердо закрепить землю за собой. Появились новые тенденции в области землепользования, вернее проснулись идеи, в свое время насильственно насаждавшиеся Столыпиным, но которым крестьяне тогда оказывали всяческое сопротивление: переход к отрубному и хуторскому хозяйству. До Столыпина из 14 мм. крестьянских дворов Европейской России — 11,4 мм. жили в об-

щине и только 3,6 мм. подворников; в 1916 г. соотношения резко изменились, число дворов живших в общине снизилось до 6,2 мм., а число подворников возросло до 7,7 мм.; из числа последних хуторские и отрубные хозяйства составляли 1,6 мм. двор., т. е. 10,5 % всех крестьянских дворов. В 21 г. это движение охватило 20 губерний. Помимо всего прочего, частые и произвольные переделы в казне подорвали с.-хоз. Поэтому правительство принуждено было вступить с ним в борьбу и 30 апреля оно издало декрет, запрещающий переделы ранее 9 лет, а 21—III—21 г. новый декрет, который подтверждал запрещение переделов, шел в то же время на встречу только что указанным настроениям крестьянской массы: прочное обеспечение пользования своим участком. Таким образом декрет утвердил то положение вещей, которое он застал. В результате земельной революции исчезли полосы, крестьяне поравнены "под гребенку", богатые срезаны и спущены вниз, бедные подняты вверх. Мужичья Россия представляет в настоящее время однородную массу. После-революционная картина представляется в следующем виде:

В Великороссии в руках крестьян 96,8 % земли; на Украине 96 %. Беспосевных крестьянских дворов в 1916 г. было 11,4 %, а в 1919 г. они снизились до 6,5 %. Крупных хозяйств от 8 дес. и больше в России в 1917 г. было 7,9 %, а в 1919 г. всего 3,1 %, теперь главную массу составляют хозяйства до 4 десятины — (74 %) и от 4 до 8 десят. — (16,4 %).

Поравнение произошло и в области распределения живого инвентаря: в 1917 г. хозяйств с 3-мя и более лошадьми имелось 22,5 %, а в 1919 г. процент их упал до 4 %.

* * *

Борьба за землю с помещиками кончилась в 1918 году. Земля от них была отобранана, кое-где они получили трудовой надел и кое-где им были оставлены усадьбынне земли с постройками. После этого началась борьба внутри самого крестьянства за правильную равную трудовую разверстку земли. "Комбеды" являлись застрельщиками классовой борьбы, бо-

рыбы с кулаками, т. е. с зажиточными крестьянами. Эта борьба привела к полному устранению крайностей: она срезала верхушки и подняла низы. В результате этого поравнения, в крестьянстве преобладает ныне "середняк". Только после 4-х летнего периода борьбы за землю, крестьянин начал борьбу за определенные формы землевладения и землепользования. Однако, правительство повело эту борьбу гораздо раньше, почти одновременно с борьбой за переход земли к крестьянам.

Поскольку в вопросе борьбы за землю интересы крестьян совпадали с интересами большевиков, постольку они расходились в вопросе о формах землепользования и формах хозяйства.

Большевики — централисты. Их централизм, как мы увидим ниже, погубил на много лет идею общественной обработки земли. Большевики, как мы видели, приверженцы национализации и разрешали земельную проблему только так же, как и промышленную. В земледелии они предпочитали крупные хозяйства и стремились создать т. н. "зерновые или хлебные фабрики". Они готовы были, как в промышленности, насильственно централизовать крестьянские хозяйства и превратить их в сельскохозяйственные синдикаты или тресты, на подобие промышленных трестов и синдикатов.

Их политика перевода индивидуального крестьянского хозяйства в рамки коммунистического хозяйства началась в 1918 г.; она началась с организации с.—х. коммун. С.—Х. коммуны начали возникать независимо от большевиков и правительства; вначале казалось, что эта волна широко разольется по России. Но оказалось не так. Большевики сделали все, что бы содействовать их вырождению и упадку. Возникая самостоятельно, эти коммуны, в борьбе за существование, могли бы развиваться нормально и сумели бы привлечь на свою сторону симпатии многомиллионного крестьянства. Большевики обратили на них внимание. Коммуны всеко-
ре подчиняются государству, регламентируются, для них вырабатывается казенный устав. Правительство 15—VII—18 г. издает декрет, которым берет под свое покровительство эти коммуны. Дает им большие льготы, но, однако, то-

лько тем из них, которые организовались на основе устава, выработанного Народным Комиссариатом Земледелия. Власть, как бы демонстративно, на глазах у крестьян, отводит коммунам лучшие помещичьи имения, очень часто отбирает от крестьян уже поделенные помещичьи земли и передает их коммунам; нередко она снабжает коммуны живым и мертвым инвентарем, отбирая его у крестьян безвозмездно. Дает денежные субсидии и, при недостатке с.—х. машин и орудий, снабжает ими коммуны, но не крестьян.

К осени 1919 г. таких привилегированных хозяйств Н. К. З. насчитывал:

Коммун 1901 с общей площадью удобной земли 150 т. дес.

Артелей 3698 и Товариществ по обраб. земли с общей площадью удобной земли в 480 тыс. дес.

Привилегированное положение коммун восстановило против них крестьян и отбросило их от коммунистической идеи, безхозяйственность и паразитизм, порожденный госуд. субсидиями, и агентурная работа, в целях правительства, окончательно убили у крестьян всякую охоту к коммунистическому хозяйству, укрепив его индивидуалистическую психологию.

Коммуны продолжали оставаться привилегированными и после того, когда правительство оставило ставку на бедняка и перешло к ставке на середняка (весна 1919 г.). Но мертвящая и растаевающая рука государства и централизма достаточно уже развратила коммуны и они сходят совершенно на нет.

Другой мерой, направленной к насаждению крупного сельского хозяйства и к коллективной обработке земли, нужно считать — "советские хозяйства" ("совхозы"), на них большевики возлагали большие надежды; именно эти хозяйства должны были положить начало "хлебным фабрикам" в русском сельском хозяйстве. "Советские хозяйства, пишет Бухарин в своей "Азбуке Коммунизма", это — единственно-возможный источник создания крупного образцового социалистического хозяйства со всеми его преимуществами. Только через советские хозяйства мы в состоянии на деле показать крестьянам

все преимущества крупного коллективного земледелия. "Задача коммунистической партии состоит в том, чтобы, где только возможно, увеличить число совхозов и размер их земельной площади". Итак, коммунисты вне крупного сельского хозяйства, централистически объединенного и управляемого бюрократией государства, не видят иной возможности организовать его на социалистических началах. Для них естественное и свободное объединение разрозненных крестьянских усилий, на основе свободной антицентралистической кооперации непонятно, так сказать за семью замками с печатью. Однако, советские хозяйства стали организовываться не только по указанным побуждениям, но и по другим; здесь имело место и желание устранить производственную зависимость городов от деревень, от крестьянского хлеба, обеспечить города хлебом этих "фабрик". Эти фабрики по внутреннему распорядку своему действительно были похожи на фабрики. Они нанимали рабочих, уплачивали им заработ. плату, а продукт сдавали хозяйну — государству.

Поскольку совхозам придавалось такое огромное значение, постольку, естественно, правительство старалось всяческими привилегиями расширить и укрепить их. Они снабжались самыми лучшими орудиями, семенами; на них отпускались большие средства, для них отводились лучшие помещичьи земли. К концу 1919 г. число советских хозяйств без Украины, Дона и Сибири равнялось 3.536, и в их ведении находилось удобной земельной площади (без леса) 2.170 т. десятин, а если принять во внимание всю Россию, то земельная площадь под совхозами будет равна свыше 6 мм. десятин. По мнению "Экон. Жизни" "Советские хозяйства могли бы прокормить 20 мм. трудящихся в городах", т. е. почти все городское население России, которое, как мы выше видели, в 1919 г. равнялось 21 мм. жителей. Но что же случилось? А случилось еще более худшее, чем с коммунами. Советские хозяйства, во-первых, еще больше возманили крестьян против коммунистов, ибо последние, для нужд совхозов, часто не останавливались перед тем, чтобы отобрать у крестьян скот и орудия. Во-вторых, централизм,

бюрократизм и привилегии окончательно развратили совхозы, сделав из них безхозяйственные и паразитические гнезда, которые не только не давали дохода, но часто даже не могли прокормить себя. И коммунисты, например, очень рады, что в 1920 г. производство совхозов оказалось настолько большим, что смогло прокормить их собственное население. Громадный успех, не правда ли?

Но, увы, даже этот "успех" не поправил дела совхозов. Всеукраинский съезд коллективных хозяйств говорит о полном их упадке и развале. Так из 122 совхозов, 27 ликвидированы, 34 заброшены, а остальные впадают в жалкое существование. Переход к коммерческому расчету окончательно уничтожит эту централистическую затоу социалистической бюрократии. Новая экономическая политика будет для них могилой. Уже сейчас украинский съезд колхозов констатирует, что с переходом к НЭПу в совхозах возросла в сильной мере тяга к единоличному хозяйству, состав колхозов редет. Другая причина, общая всем хозяйственным начинаниям коммунистов, это — бюрократизм, стремление коммунистов к привилегированному положению. Так, тот же украинский съезд утверждает, что коммунисты всегда и всячески стараются занимать командные посты; очень часто в хозяйстве с 12—15 членами-работниками имеется от 5 до 7 человек администраторов-коммунистов. При новой эконом. политике совхозы могут выжить только тогда, когда в деревне образуется большой слой с.—х. пролетариата или малоземельных крестьян, и когда совхозы окончательно примут характер бывших эксплуататорских помещичьих имений. Во всем этом можно видеть только банкротство государства и централизма, всегда бюрократичных.

Политика коммунистов в области насаждения совхозов и коммун настроила крестьян против них. Но это полбеды. Основное зло это — политика насаждения комитетов бедноты, являвшихся орудиями проведения вздорных начинаний коммунистической партии. В эти "комбеды" шли те крестьяне, которые раньше пользовались в деревне плохой славой — пьяниц, безхозяйственников, — часто в них вступали

крестьяне, давным-давно порвавшие с землей, а теперь, в силу ухудшения продовольственного положения в городах и развала городской промышленности, вернувшиеся в деревню. "Комбеды" были всеисильны, они правили деревней безконтрольно, по своему произволу. Под их давлением происходили через-чур частые переделы. Налоговая политика правительства сделала комбеды совершенно нетерпимыми крестьянством, ибо они являлись орудием взимания налогов: сперва чрезвычайный налог, а затем продовольственная разверстка. Дело в том, что аграрная революция с ее переделами и неустойчивым положением не могла не вызвать голода в городе, ибо производство хлеба сократилось еще во время войны, в первый год революции оно еще более уменьшилось, а затем прогрессивно стало уменьшаться дальше. Причиной дальнейшего понижения с.—х. производительности явилась хлебная разверстка. Желая обеспечить города хлебом, правительство объявило хлеб монопольным продуктом государства, который не может быть предметом купли—продажи. Была выработана потребительная норма и крестьяне обязывались, за вычетом этой нормы и количества необходимого для обсеменения полей, все излишки сдавать государству.

Централизованная машина заработала: начались массовые реквизиции хлеба и скота, а с ними произвол реквизиторов и, как следствие, крестьянские протесты и бунты, жестоко-подавляемые войсками и артиллерией. Это и плюс комбедовская борьба с "кулаками", т. е. в большинстве случаев со всеми теми крестьянами, которые были немного зажиточней комбедичков, а также вообще неудобными им крестьянами. Комбеды терроризовали деревню и по своей прихоти вновь и вновь делили землю и скот. Дело дошло до такого обострения, что у крестьян при ходило брать только силой, пытком. И вот, несмотря на то, что революция создала прекрасные условия для развития с.—х., последнее пошло быстро к упадку. На голое насилие и произвол при реквизиции и отбирании хлебных, мясных и др. излишков, на взимание натурального налога и проч., крестьяне ответили сокращением площади засева и убоем скота на мясо.

Сокращение это шло следующие образом:

г.г.	Пл. об. зем.	Лошад.	Рогат. ск.
	в десят.		
1918	87.432.000		
1916			50.306.900
1917	72.052.800		
1920	62.307.500	24.206.700	36.882.000
1921	54.888.000	23.070.400	38.133.300
1922	49.190.500	18.506.700	32.808.500

Большевики политикой насилия, проводимой государственной централизацией, доходившей до свирепого зверства, до массовых расстрелов, вырыли между ними пропасть и нарушили всякую возможность нормального промышленного взаимодействия между ними. Их политика обусловила, в известной, и притом очень значительной, мере, страшный голод 1922 года: вот весь ее результат.

Видя угрожающее падение площади засева, большевики в 1923 г. перешли к новому способу в земельной политике. Централизация создала чудовище, которого еще не выдвигал свет: государственное, централизованное плановое сельское хозяйство. Опять все сводилось к тому же голому насилию. Крестьянин не сеет — заставить его силой! Не во время пашет — заставить пахать во время! Крестьянин не знает в чем нуждается государство — предписать ему из Москвы, что именно и сколько он должен сеять! Взять 15 мм. крестьянские хозяйства на учет, создать регулирующие органы (посевные комитеты в губерниях, а в уездах — "посевкомы") "комитеты содействия" в волостях и, опираясь на них, проводить выработанный в Москве план сельскохозяйственного производства. После всех неудач, это была последняя безумная попытка одурелых централистов. Попытка, которую имелось ввиду провести при содействии "милитаризации" Вот, как эту блеберду, бред сумасшедшего, развивал г. Осинский, автор этого идиотского плана:

"Центр работы социалистического строительства — в массовом принудительном вмешательстве государства. Оно начинается с борьбы против недосева. Предъявляется требование за-

севать обязательно весь яровой (или озимый) клин своими средствами и своими семенами.

"На будущий год к этому первому пласту может уже добавиться следующий: примитивные указания, чем именно засеять (скажем, например, овсом, а не в обход развертки другими кормовыми травами), и как обрабатывать землю (регулирование обязательными постановлениями времени первой вспашки, повторения ее, обязательной вывозки навоза и пр.).

"Следующий пласт — взятие на учет и мобилизация людей, лошадей и инвентаря, как для организованного выполнения предшествующих требований, так и для переброски туда, где не хватает рабочих рук и средств производства.

"Далее идет полное регулирование севооборота, затем превращение индивидуальных полей в общественное поле с общественной запашкой".

Вера в эту глупейшую чушь однако продолжалась недолго. Дуракам было ясно, что "хозяйственными планами" деревню не подчинишь городу и не приведешь их взаимоотношения к равновесию, и тем более не установишь коллективного хозяйства; через три месяца эта чушь, не успев быть использованной на практике, была отброшена. Вместо нее Ленин выступил с новой понацией — электрофикацией (в народе — "электрофикцией"). — Электричество должно поставить деревню в зависимость от города, только оно сочетает с. — х. с городской индустрией.

Но в условиях русской действительности это был бред воспаленных мозгов банкротов, но не больше. И коммунисты ничего лучшего не явили, как признать свое банкротство, и стать

на путь "Нов. эконом. политики", т. е. на путь восстановления капитализма и капиталистических отношений. В марте 1921 г. посыпались декреты, повернувшие коммунистов направо на 360°. А с утверждением "основного закона о трудовом землепользовании", обсуждавшегося 22 — V — 22 г. ВЦИК, большевики повели и новую земельную политику, по просту говоря, признали себя побежденными и пошли на мировую с крестьянином, который им продиктовал, если не Брест-Литовск, то Ригу.

По этому "мирному договору" большевики признали земельную революцию оконченной, похерили идею уравнильно-трудовой нормы, закрепили за крестьянами, так как она есть, захваченную землю, выдавая "документы" на бессрочное наследственное пользование ею; крестьяне вольны переходить к любой форме землепользования: они имеют право выделяться из общины на хутора, отруба и пр., если этого пожелает $\frac{1}{5}$ общины. Переделы допускаются только через 9 лет. Землю можно сдавать в аренду на 6 лет легально, а нелегально — пока не попадешься. Разрешается наемный труд, если наниматель сам принимает участие в труде; большевики выговорили себе лишь один пункт: что земля числится за государством и что она по купке, продаже, дарению и залогу не подлежит. Но все это лишь тень на ясный день...

Так обанкротились в области земельной политики централизм и государство. И это неизбежно должно было случиться, ибо всякое государство по необходимости централизовано, по необходимости насильник и несет в себе самом все отрицательные элементы, элементы смерти всему тому, к чему оно прикасается.

* *

По отношению ко всякой партии:

Пастуху нужен всегда баран, ведущий стадо, или он должен при случае сам быть бараном..

* *

Люди свободно лгут языком, но розга, которую они при этом строят, все-таки говорит правду.

Ф. Ницше.

МАНИФЕСТ АНАРХИСТОВ КОММУНИСТОВ.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Помещая "Манифест Анархистов Коммунистов", написанный тов. А. Карелиным, и находя его вообще весьма удовлетворительным и удачным, как по форме, так и по яркости изложения, — Ред. Коллегия "Волны" тем не менее считает нужным отметить, что в частности она не вполне разделяет взгляды автора "Манифеста".

Во-первых, само название "Манифест Анархистов Коммунистов" и сущность этого названия требует, по мнению Ред. Коллегии, некоторых ссылок и оговорок. По обыкновению всякий манифест понимается как безусловное евангелие, как полное отражение того течения, имя которого он носит. Нечего и говорить, что, вследствие такой "святости" и безусловности, понятие — манифест не особенно-то согласуется с анархической концепцией, и — практически — не всегда достижимо, а тем более — не всегда выполнимо. Для того, чтобы манифест, скажем, анархистов коммунистов отвечал полностью названию этого слова, необходимо соблюсти два условия: 1) все анархисты коммунисты должны принять участие в выработке манифеста и 2) программа действий должна быть одна для всех стран и времени. Само собой понятно, что ни одно из этих условий, по многим соображениям, неодолимо. Поэтому, было бы гораздо удобнее смотреть на нижепомещаемый манифест не столько, как на "святая святых" анархо-коммунистического мирозосерздания, сколько как на личные взгляды самого автора.

Во-вторых, едва ли будет большой ошибкой, если сказать, что в Манифесте т-ща Карелина вкраплены в значительной доле федерализм и даже синдикализм. Разумеется, Ред. Коллегия "Волны" очень далека от того, чтобы широту и многогранность анархизма сводить к одной какой-нибудь точке. Но если манифест носит название "Анархистов Коммунистов", то, естественно, содержание тоже должно быть таковым. Связка же общественных соотношений

на базе производственных союзов и слитие этих последних в один большой союз, или установление системы советов уполномоченных, как это планирует т. Карелин, безусловно, гораздо ближе к синдикализму и федерализму, чем к анархо-коммунизму. Несомненно, что в анархическом обществе люди будут группироваться значительно на почве производства, но такая группировка будет лишь одной из числа многих других группировок. Например, сапожник будет связан и находиться в непосредственных отношениях не только с сапожником, но и с музыкантом или с астрономом. Точно также многие дела и запросы будут разрешаться не только посредством советов уполномоченных, но и непосредственно самими заинтересованными лицами. (Ред. Коллегия "Волны" вообще думает, что все так называемые частные — при чем под частными подразумеваются личные и групповые — и хозяйственные дела не требуют никаких советов уполномоченных*).

В-третьих, тов. Карелин оценивает Р. К. П. и III Интернационал значительно выше в сравнении с партией меньшевиков или социал-революционеров. Очень возможно, что эта оценка — результат условий и обстоятельств; но подходя к этому вопросу беспристрастно, трудно найти какую-либо заслуженность партии большевиков. Как раз можно прийти к обратному заключению. В Германии, например, где в ходе государственного корабля принимают участие и меньшевики, анархическая печать существует открыто, а в России она убита, задавлена. В гонении на анархистов и их истреблении большевистское правительство тоже не уступает правительствам других стран, а, быть может, даже превосходит. В общем, во всех поступках и деяниях большевистского правительства не видится никакой "милости" и "снисхождения", и поэтому Ред. Коллегия "Волны" находит, что отношение к большевистскому правительству должно быть такое же, как и отношение ко всякому другому правительству, т. е. отрицательное.

ЦЕЛЬ АНАРХИСТОВ.

По основным своим убеждениям мы — анархисты.

Полное исчезновение принудительной власти человека над человеком, полное исчезновение эксплуатации человека человеком — вот та цель, к достижению которой мы стремимся.

Трудовой народ угнетается давящими классами общества, как в государствах управляемых деспотами, так и в государствах, управляемых так или иначе выбранными законодателями и чиновниками.

Трудящееся население будет благоденствовать и пользоваться благами свободы только тогда, когда все средства производства, перевоза, торговли, вооружения, образования будут общим достоянием, то есть, не собственностью отдельных лиц или правительств, но достоянием всех, без исключения, членов общества, когда потребности каждого человека будут удовлетворены и никто не будет жить за счет труда других людей и, наконец, когда никто не будет иметь и тени власти над другим человеком или над другими людьми. Не приказ или закон, не насилие или властное распоряжение, а самодеятельность и почин трудящегося населения могут создать такое общество, где свобода, равенство и братство не останутся пустыми словами.

АНАРХИСТЫ И ГОСУДАРСТВО.

Государство, (то есть люди, применяющие принудительную власть к другим людям) всегда и везде убивает самодеятельность рабочих масс, убивает их почин, мешает их творческой работе, воспитывает в рабочих массах дух полного подчинения, создает для них невозможность самим устроить свои дела.

Даже социалистические государства, организуемые в наше время строй государственного капитализма и тем самым обезличивающие рабочих, обращают их в разновидность полухолопов и задерживают осуществление вольного общества.

Исторически сложившиеся институты насилия — войско, полиция, чиновничество, суд, законодательные, в том числе и выборные учре-

ждения, являются преградой между трудящимися и вольным строем общества.

Всякая власть бессильна в деле творчества и сильна только в деле угнетения. Всякая власть, как бы не видоизменялась она, всегда является помехой для творческой деятельности общества. Всякая власть вредна и в том случае, когда дело идет о строительстве будущего общества. Никакие правители, никакие депутаты, никакие чиновники, хотя бы они назывались правлениями рабочих союзов, не справятся со сложным делом общественного переустройства. Тем не менее, власть всегда приписывала своей деятельности творчество народных масс, а сама, если что и делала с некоторым успехом, то только отбирала от трудящихся продукты их труда, а иногда грабила богатства, на грабленные богачами у бедняков.

Грубо-насильственная природа государств ярко сказалась в 1914—1918 годах нашего летоисчисления. Бессмысленность, страшный вред государственной власти был доказан многими миллионами кровавых жертв и низменностью тех действительных невыдуманных целей, во имя которых на смерть дрались русские, французы, англичане, северо-американцы, итальянцы, бельгийцы, японцы, румыны, болгары, сербы, черногорцы, португальцы, немцы, венгры, турки, поляки, чехи, негры, арабы, индейцы, сиамцы, боеры, татары, армяне, латыши, евреи, эсты, и т. д. и т. д. и т. д.

Не менее 80.000.000 женщин и детей стали, благодаря этой войне, бедняками. Сколько миллионов убитых и изувеченных мужчин!..

А война велась только потому, что богачи-буржуа хотели нажить деньги подрядами и поставками на армию, получить барыши от продажи товаров по бешеным ценам и завоевать для своего государства новые страны, чтобы безоглядно продавать там товары.

Война эта велась только потому, что правительства, боясь восстания рабочего народа, хотели перебить и искалечить побольше молодежи, уменьшить число взрослых людей и, натравив народы на кровавую бойню, отвлечь их от дела самоосвобождения.

Поддержка, оказанная как этой войне.

так и ее объявлению, забывшей свои обещания германской социал-демократией, буржуазный патриотизм французских социалистов, воинственные заявления социалистов в разных странах, заставили многих рабочих задуматься над вопросом о том, чем в сущности являются политические, как буржуазные, так и социалистические партии.

НАСТАЛО ЛИ ВРЕМЯ ДЛЯ ПЕРЕУСТРОЙСТВА НА АНАРХИЧЕСКИХ НАЧАЛАХ?

На анархических началах можно устроить тогда, когда захотят народные массы.

Бедность большинства трудящихся, в особенности же рабочих ручного труда, недостаточное количество, плохих к тому же, предметов потребления, которое бросается давящими классами общества рабочему человеку, производящему эти продукты, подчиненная работа, наследственность нищеты, унижительная, граничащая с порабощением зависимость рабочих от капиталистов — будь то отдельные лица или группа правителей, то есть, государство — другими словами "рабство нашего времени", вечно даваемые и никогда не исполняемые обещания улучшить положение не того или иного рабочего, а всех рабочих — все это заставляет трудовой народ стремиться к полному преобразованию условий жизни, а не к одной только замене одних правителей другими.

Неравенство в благосостоянии бросается в глаза. Роскошная жизнь чиновников, занятых не работой, а угнетением поданных, или роскошная жизнь богатей, не занимающих чиновничьих мест, бросается в глаза рабочим массам и они не хотят примириться с такой несправедливостью.

Работающие люди все более и более убеждаются, что каждый не эксплуатирующий и не угнетающий других человек имеет равное право с любым другим человеком на продукты общественного труда, имеет право жить по своему, не подчиняясь приказам других людей, хотя бы эти люди и именовались правителями.

Крестьяне и рабочие, если захотят, то и в настоящее время могут освободиться от ига капитала и власти. Нет неодолимых препятст-

вий для того, чтобы устроиться на анархических началах, но, конечно, институты постоянного насилия, постоянные угрозы мучениями веками могут заставить жаждущих свободы и благосостояния людей пресмыкаться в рабстве.

ПЕРЕД ОСВОБОЖДЕНИЕМ.

Отношение давящих классов к рабочему человеку таково, что малейшее ослабление рабочих в борьбе за меньшую степень эксплуатации и угнетения влечет за собою невозможные условия существования для трудящихся. Только на словах заботятся о них, а, в сущности, труженикам бросают обидки с барского стола. Пока не пробил час освобождения, рабочему человеку приходится отстаивать свое право на сносное существование, приходится бороться за лучшие условия существования и в рамках современных государств.

В единении — сила. Но объединение является силой только тогда, когда оно охватывает людей, связанных общими интересами. Такое же объединение, как объединение (в одном загоне) волков и овец, приведет только к тому, что волки передумают последних. Вот почему класс городских рабочих должен отшатнуться от давящих классов, как бы они ни именовали себя, когда бы ни появились они и организоваться в свои промышленные рабочие союзы, в свои советы рабочих уполномоченных. Эти организации должны слиться в одно целое с организациями крестьян, так как интересы этих тружеников и интересы городских рабочих — в сущности, одинаковы.

В течение многих тысяч лет правители, богачи и ученые властвовали над народами. В течение долгих тысячелетий в угнетении и бедности жили управляемые этими господами труженики.

Сколько они ни работали — все одно оставались бедняками, едва имея, да и то не всегда, столько, сколько надо для того, чтобы не умереть от тяжелых лишений.

Чуть ли не все, что вырабатывали крестьяне и рабочие, за исключением жалких крох, отнимали у них правители своими податями, фабриканты и разные купцы своими прибылями,

помещики прибылью или платой за землю, сдаваемую крестьянам на года.

Всежими способами обирался трудовой народ.

Правители, богачи и пошедшие к ним на службу ученые накашливали себе, обирая трудящихся, несметные богатства и наслаждались всеми благами жизни, а трудящийся народ в нищете и в неволе влачил свою страдальческую, скудную жизнь.

Правители-государство, богачи-капиталисты и продавшиеся им ученые держали трудящихся в рабстве, в кабале, в крепостной неволе, в наемничестве.

Одни правители сменяли других, старый способ обирания народа сменялся новым, но трудящихся постоянно обирали разные господа. Были вожди, старшины родов, патриархи, князья, цари, короли, императоры, временные или постоянные республиканские правители, депутаты законодательных и законосовещательных собраний, выбранные всеобщей и не всеобщей подачей голосов, были правители и других названий, но все правители обирали народ и всегда в неволе жили поданные. Были рабовладельцы, крепостники, помещики, фабриканты, заводчики, купцы и опять таки все время в нищете жили трудящиеся.

Все правители, особенно в начале своего властвования или, стремясь захватить власть, обещали народу облагодетельствовать его и... все лгали.

Все правители, вместе с богачами и учеными, писали законы будто бы для пользы народа и все эти законы держали народы, — как научья наутину муху, — в сетях порабощения и бедности.

Всегда обещали они издать хорошие законы и никогда не выполняли своих обещаний.

Так было, так и будет.

Тяжела, безотраднa и в наше время жизнь обираемого народа.

Нередко боролся народ против насильников-правителей и их ученых, но его возстания-революции или подавлялись железом и свинцом, топились в народной крови, или, в случаях победы восставших, новые правители, а с ними

вместе их богачи и ученые, делали небольшие уступки народным массам, обещали золотые горы, а потом, после того, как успокаивалось революционное движение, обезоруживали народ и снова заковывали его в старые, только новой краской окрашенные цепи беззакония и нищеты.

Народы начали понимать, что их обманывали тысячелетиями. Тысячи лет обманывали трудящихся, говоря, что языческие и другие некогда не существовавшие боги приказывают людям повиноваться правителям и работать не на себя, не на своих, а на богачей. Тысячи лет обманывали трудящихся, говоря, что правители, богачи и их ученые необходимы человечеству.

Народы начали понимать, что власть, богатство, ученость должны принадлежать всему народу, а не отдельным лицам или группам богачей и ученых. Сознательные рабочие все более и более убеждаются, что только захватив в общее достояние средства производства, то есть, землю, фабрики, заводы, мастерские, копи, рудники, железные дороги, пароходы, машины, инструменты, материалы и прочее, только отобрав у захватчиков власть и источники жизненных средств, только уничтожив те учреждения насилия, на которые опираются эти захватчики, — только тогда можно освободиться от гнетущего рабочий класс экономического, политического и нравственного рабства. Многие рабочие знают, что для этого вовсе не надо и бессмысленно ждать закона, исходящего от государственной власти, при чем решительно все равно, кто бы ни властвовал — царь, депутаты или какие либо другие лица. Сознательные рабочие видят, что государство, то есть, правительство, не даст им как раз того, что им надо, то есть средств производства и права на самоустройство.

Они знают что все, о чем как о благодетели рабочему классу, говорят правители, что все это или вырвано у правителей силой, или вредно для рабочих, или дано с задней мыслью, дано потому, что такой дар больше давал правителям и эксплуататорам, чем поданным и эксплуатируемым.

Сознательные рабочие знают, что ничего не стоит и контроль над производством, что эк-

ситуируемыми и угнетенными остаются они и при наличии так называемых "фабричных" или "рабочих" законов.

Рабочие знают, что школьное, отвлеченно поставленное образование дается их детям потому, что капиталисты и капиталист-государство нуждаются в наше время в хорошо грамотных развитых рабочих, а правители — в грамотных насильниках-исполнителях, которых они умеют выбрать из числа лиц, обученных так, как правители считают нужным обучать их.

Рабочие видят, что то немногое, что дается им правителями, дается потому, что, давая богачам, нельзя не дать того же самого и бедным и дается почти исключительно местными самоуправлениями (например, освещение улиц, водопроводы). Рабочие знают, что современные государства, (то есть правители) берут всякими налогами миллиарды рублей, то есть, если говорить о царской России, количество денег не меньше того, что наживали с рабочего народа все капиталисты и помещики, вместе взятые. Но, конечно, все эти налоги выплачиваются и вырабатываются в последнем счете трудящимися людьми — рабочими и крестьянами.

Рабочие видят, что непомерными прямыми и косвенными налогами, своими несправедливыми законами о повинностях, правительство разоряет самостоятельных производителей, бросая их в ряды наемных рабочих.

Малосознательные рабочие обрушивают свою ненависть на отдельных правителей. По мере подъема сознательности, они начинают думать, что надо переменить правительство, заменить его членами коммунистических или социалистических партий, то выбранными всеобщей подачей голосов, а то и просто захватившими власть и опирающимися на государственные институты насилия.

Но с того момента, как с глаз рабочих падает надежда политическими партиями повязка, они приходят к убеждению, что коммунист или социалист, стремящийся стать правителем или ставший таковым, перестает быть коммунистом или социалистом; что всякая власть бессильна на добро и способна только на зло; что рабочие получают только то от правителей, что

сами завоевывают своей непосредственной борьбой. Они знают, что надо в корне уничтожить принудительную, т. е. государственную власть — все равно — выборную или невыборную, что надо сместить ее для того, чтобы жить богатой, обеспеченной жизнью.

Для думающих рабочих становится понятным, что так называемые демократические республики, а, в сущности управляемые интеллигентами и богачами, что все республики, почему то называющие в своих законах всех людей равными, являются развращающими и лицемерными учреждениями.

Равенство людей — граждан давным давно стало сказкой, так как люди имущественно неравносильны, так как они получили разное образование, так как демократии и республики выдвигают властных людей, называя их депутатами, делегатами, сенаторами, комиссарами, министрами, чиновниками, возлагая на них ведение общественных дел и требуя от граждан повиновения этим господам.

Гражданин, будто бы неспособный устроить свою жизнь своими силами, уполномочивает на это разных господ или эти господа сами объявляют себя уполномоченными народом и ничего полезного не делают и не могут сделать для рабочего народа.

Сознательные рабочие начинают понимать, что всякое государство, как бы оно ни называлось, с его неизбежным неравенством доходов, с его принудительной властью, с его разными именами называемыми чиновниками и так называемыми представителями, с его судьями, палачами и тюремщиками — вредно для развития человека, вредно для общественных дел.

Это государство может только создать из современных рабочих "рабочий скот" "полезную рабочую разновидность", "прекрасных рабочих будущего времени", передать коммунизм и социализм в государственный капитализм, подчинить производство и распределение произведенных продуктов чиновничеству; создать всеильную, опирающуюся на палачей бюрократию, завербовав в ее ряды и часть рабочих.

Безмысленно такое государство и как переходное установление, так как только всей

народной массе, всей общности людей непосильна такая гигантская работа, как творчество новой жизни.

Сознательные рабочие не считают нужным поддерживать современное государство, так как такое государство является для них безусловно пагубным учреждением. Они не хотят сохранить его после своей победы, так как государство не нужно для них, бессильно в творческой роли и явится, (как являлось всегда) опасным врагом их свободы и благосостояния.

Сознательные рабочие — стойкие враги какого бы то ни было государства. Они понимают, что всякое государство, только потому что оно не мыслимо без принудительной власти и учреждений насилия и лицемерия (полиции, суда, тюремного ведомства, войска, духовенства и проч.), не может быть учреждением свободных людей, что оно нужно только насильникам, а ими не хотят быть сознательные рабочие.

Сознательные рабочие не хотят заменить современных хозяев государством, то есть, правителями — хозяевами, заведующими производством и распределением орудий труда, изделий и припасов.

Как нельзя рассчитывать на самоосвобождение, стремясь к тому, чтобы хозяин Иванов заменил хозяина Петрова, так нельзя мечтать о благосостоянии, свободе, братстве и равенстве при том условии, что места хозяев-капиталистов займут хозяева-правители, хотя бы они и называли себя социалистами и коммунистами.

Ни хозяев! Ни правителей! — таков клич сознательных рабочих.

Сознательные рабочие понимают, что господский социализм или коммунизм с его призывами к замене буржуазных правителей членами социалистических или коммунистических партий является еще большей изменой социализму и коммунизму, чем инквизиция являлась изменой христианству.

Сознательные рабочие понимают, что социалистические и коммунистические партии зовут их не туда, куда они хотят идти, не ведут трудящихся к счастью и к свободе.

Если этим партиям удалось или удастся достигнуть своей цели, то есть, захвата власти,

то рабочие на практике знакомятся не с социализмом и не с коммунизмом, а с одной из разновидностей государственного капитализма.

Для этого не стоит работать, так как смены хозяев и правителей грозят отодвинуть в бесконечную даль веков освобождение трудящихся, уничтожение разных способов жить на чужой счет.

Сознательные рабочие понимают, что партии с их вождями и комитетами убивают самодетельность рабочего люда для того, чтобы иметь в них верных слуг и плательщиков (пока партийные вожди не захватили государственной власти) и верноподанных, когда эти вожди станут правителями народов.

Сознательные рабочие поняли, что правители или лица, желающие занять места последних, щедрны на обещания, но скупы на выполнения их. Понимают они и то, что от правителей надо освободиться так же, как и от предпринимателей.

Просыпается от многовекового сна и русский народ.

”В настоящее время русский народ, настоящий русский народ, вследствие совершенных и совершаемых над ним преступлений, потерял не только уважение к своему правительству, но и веру в необходимость какого бы то ни было правительства“. ”Мы, русские, теперь в огромном большинстве своем, всем существом своим сознаем и чувствуем, что все государственное устройство, которое держит, угнетает и развращает нас, нам не только не нужно, но есть нечто враждебное, отвратительное и совершенно излишнее, ни на что не нужное“. (Л. Н. Толстой).

Довольно с нас порядков, при которых мы должны были служить правителям и богачам и работать на них.

Вся земля — народу, всем землепашцам в пользование и распоряжение.

Фабрики — рабочим, а не чиновникам государства.

Все сдаваемые в аренду дома тем, кто будет жить в них, при чем все квартиры должны быть распределены равномерно.

Все оружие народу для того, чтобы он мог

отстаивать свои права.

Вся власть всему народу, а не чиновникам, не депутатам.

Все ценности всему народу, а не кучке чиновников и грабителей, которые всегда держат народ в рабстве.

Объявим города и селения вольными и объединим их для общих дел и для самозащиты от врагов свободного народа.

Мы не хотим больше быть подданными, подвластными, то есть, рабами. Хотим жить вольными людьми на вольной земле.

Мы не хотим, чтобы наши жены и сестры надрывались над непосильной работой, ходили плохо одетыми, плохо питались, рано старились и рано умирали от тяжелой жизни.

Мы не хотим, чтобы наши дети болели, рано умирали от плохих условий жизни, чтобы они остались едва грамотными, не зная науки.

Мы не хотим, чтобы наши родители рано умирали от плохих условий жизни.

Мы хотим вольной и счастливой жизни!
Ни хозяев! Ни правителей!

Мы громко напоминаем, что люди должны взаимно помогать друг другу, а не эксплуатировать друг друга.

Взаимопомощь, это — такая деятельность человека, которая стремится поставить другого человека в лучшее положение, чем то, в котором он находится, приблизить его к положению того, кто оказывает помощь, сравнить его с помогающим, а в конечном счете, взаимопомощь, это — стремление к полному равенству, осуществление равенства, которое в людских взаимоотношениях отождествляется со справедливостью.

Мы стремимся к равенству, а не к однообразию, не к шаблону, которых не знает природа. Как только наступит равенство, каждый человек будет чувствовать свои потребности удовлетворенными в той же мере, как и любой другой человек, хотя бы первый съел один фунт, а второй два фунта хлеба, чтобы насытиться, хотя бы высокий человек израсходовал на платье больше аршин сукна, чем человек низкого роста.

К такому равенству-справедливости стре-

мятся трудящиеся и им придется сменить с лица земли все учреждения, мешающие осуществлению равенства.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ НАШЕЙ ПРОГРАММЫ.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

В области народного хозяйства, мы думаем, что "производство для человека, а не человек для производства". Там, где выгодно будет устроить многолюдные крупные фабрики и заводы, там мы и устроим их. Там, где производство удобнее и выгоднее будет вести в среднем, мелком или мельчайшем размере, там мы и поведем его, не останавливаясь даже перед мельчайшими формами хозяйства.

Всевозможные хозяйства — промышленные, сельскохозяйственные, перевозочные, передаточные, которые заменят современные торговые предприятия, — все они объединятся в союзы, а затем в один могучий, общий производственный союз. Такова естественная тенденция хозяйств во всяком обществе — и в буржуазном, и в социалистическом и при строе государственного капитализма.

Таким образом, фабрики, заводы, мастерские, копы, рудники, пароходы, железные дороги, все, чем и при помощи чего трудятся люди, т. е. инструменты, машины, материалы и другие средства производства должны принадлежать народу и будут находиться в распоряжении рабочих союзов, рабочих артелей и отдельных труженников; будут находиться в распоряжении рабочих, а не хозяев или чиновников.

Вся земля должна принадлежать народу. Не чиновникам, чужими руками ведущими якобы образцовые хозяйства, не помещикам — в распоряжение, а — всему крестьянству, понимая под крестьянством лиц, желающих работать над землею. Крестьянские сходы, мирные крестьянские и отдельные крестьяне должны распоряжаться землею так, чтобы никто не был в обиде. Наши крестьяне хорошо понимают, что не тот должен быть хозяином земли, кто по ней бродит, а тот, кто по ней за сохой или за плугом ходит.

Земля никем не сделана и должна принадле-

длежать (не на правах собственности, а на правах владения) тем, кто ее возделывает для прокормления людей или тем, кто добывает из нее уголь, нефть, разные металлы и минералы.

Все магазины и лавки, в которых торгуют нанятые приказчики, перейдут в общее достояние народа и управлять ими будут союзы и сходы приказчиков.

Все сдаваемые в наем дома или все дома, слишком большие для того, чтобы их занимали владельцы этих домов, должны принадлежать всему народу, а распоряжаться ими будут сходы квартирантов, сходы кварталов, все жители города.

Простой эксплуатацией населения является взывание податей правителями государств. Это взывание сопровождается грубым насилием при сборе прямых налогов и является ловким мошенничеством при собирании налогов косвенных. В так называемых социалистических государствах подати заменялись простым отбором продуктов, произведенных трудящимися, в пользу или в распоряжение правителей.

П О Л И Т И К А .

Все города и селения анархисты объявят вольными и эти города и селения естественно объединятся в один громадный союз.

Жители всякого вольного города будут распоряжаться всем городским достоянием, будут заведывать всеми своими делами, а не теми только, заведывать которыми разрешают им правители. Большие города будут разделены на небольшие части (концы, стороны, районы) и в этих частях будут собираться сходы всех граждан (веча), на которых будут обсуждаться и решаться городские дела.

Для разных дел города будут выбираться советы, но уполномоченные граждан не будут правителями: они будут исполнять только определенные поручения и, по окончании порученной работы, снова переходить в ряды простых граждан. Уполномоченные будут выполнять точные указы граждан, даваемые последними на каждое отдельное дело.

Каждая часть города, каждая фабрика, каждый завод, каждый университет или рабочий

союз или союз приказчиков, любое общество врачей, любая артель будут решать свои дела на общих собраниях и только простых исполнителей будут выбирать они в свои советы.

Анархисты считают тюрьмы — эти учреждения для мучений людей — бесполезными и вредными. Тюрьмы не исправили ни одного преступника, создали упорных, повторяющих свои преступления людей. Тюрьмы и вообще уголовные наказания не уменьшили преступности и не предупредили преступлений. Для того, чтобы не было преступников и преступлений, надо изменить современные порядки, надо, чтобы не было невежественных людей, надо чтобы все люди были равны по имуществу и по своим правам.

Армии всех народов должны быть распущены. Войны не должно более быть, а это возможно только тогда, когда нигде не будет правителей, то есть, людей, которые посылают других людей — своих подданных — убивать других людей и наказывают жестокими казнями тех, кто не хочет убивать неведомых ему, очень часто хороших и миролюбивых людей.

Анархисты хотят уничтожить всякое рабство, всякое подчинение человека человеку, всякое насилие человека над человеком. Анархисты добиваются полной свободы каждого человека и анархическая свобода не может сопровождаться причинением вреда другим людям, зверствами судей и тюремщиков разных наименований.

Свободен только тот человек, над которым нет никакого начальства, которого никто не может заставить поступать во вред самому себе или другим людям. Свободен только тот, кто понимает, что его свобода — в свободе и равенстве других людей.

Анархисты утверждают, что ни один народ, ни одна нация не должны угнетать другой народ, другую нацию. Для анархистов все народы имеют одинаковые права. Все народы, без всякого исключения, для общего счастья и благоденствия, должны жить по братски, как одна дружная семья. Поэтому, анархисты считают ненужными границы, отделяющие один народ от другого или одну нацию от другой или (как это происходит в настоящее время), одно госу-

дарство от другого.

Никаких государств быть не должно и тогда люди будут жить в мире и в дружбе.

В общегитаях меньшинство не обязано повиноваться большинству, а может устраиваться, как хочет, никого не эксплуатируя и не угнетая.

ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИИ.

Каждый может верить во что ему угодно или ни во что не верить. Это — дело его совести, его убеждений и знания. Нельзя только заставлять других не верить или верить по своему. Нельзя только мешать другому человеку выполнять то, что полагается по его верованиям или по его неверию, если поступки такого человека не являются проявлениями насилия.

ОТНОШЕНИЕ К СЕМЬЕ.

Анархисты уверены, что поповский брак через чур уж часто вреден для людей, для их семейного счастья. Жена должна быть во всем равной мужу: ни тени власти он не должен иметь над нею. Власть мужа над женой приводит к тому, что жена становится рабой и служанкою мужа. Если между мужем и женою нет взаимного уважения и любви, они должны разойтись, а не жить в разврате.

Из сказанного, конечно, не следует, что анархисты высказываются за тот гражданский брак, который существует в России, где негодный мужчина на законном основании меняет ежегодно десятки жен.

ОТНОШЕНИЕ К ШКОЛЕ.

Все средства образования должны принадлежать не кучке счастливых, хотя бы, они назывались правителями, а всему народу, всем желающим для того, чтобы каждый мог научиться всему, чему хочет.

Наше отношение к школе намечается в школах типа Феррера, С. Фора, Л. Н. Толстого.

ТАКТИКА.

ОТНОШЕНИЕ К ПАРТИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ МЕНЬШЕВИКОВ.

Все партии обещают народу свободу, пока они не у власти и забывают свои обещания,

захватив власть. Мы не имеем ни малейшего основания верить тому, что, захватив власть, меньшевики, в свою очередь, не станут деспотами, топчущими достоинство человеческой личности, достоинство крестьян и рабочих.

Мы знаем, что они ошибаются, утверждая, что в настоящее время нельзя организовать на началах вольного рабочего социализма и даже на началах государственного социализма. Все их указания на то, что для перехода к новому обществу необходимо большее, чем ныне развитие капитализма, не выдерживают научной критики, являются неудачными, основанными на случайных данных, гипотезами, опровергнутыми дальнейшими наблюдениями.

Наблюдающиеся в капиталистическом хозяйстве трения, если не говорить об антагонизме труда и капитала, исчезают. Даже при самом непронизительном капиталистическом хозяйстве, — например, при строе государственного капитализма, — могучий механизм капитализма опрокидывает встречающиеся на его пути преграды и на миллионах жертв строит благополучие меньшинства. Этому победоносному и пагубному шествию может положить предел только грозная сила городских рабочих и крестьян, решившихся на коренное общественное переустройство.

Социал-демократы меньшевики, это — одна из буржуазных партий и мы не можем иметь к ней никакого отношения.

ОТНОШЕНИЕ К ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ.

У нас нет никаких оснований думать, что партия левых социалистов-революционеров, захватив в свои руки власть, будет лучше партии коммунистов большевиков. Наоборот, у нас имеются основания думать, что названная партия некоторыми симпатиями своими тяготеет не столько к рабочему, сколько к интеллигентному классу общества. Мы слышали, как представители этой партии восхваляли назначение смертной казни в административном порядке — чрезвычайными комиссиями. Мы знаем, что отношение ее членов к анархизму и анархистам было значительно хуже отношения коммунистов

большевиков. Мы уверены, что захват власти этой партией не улучшит положения рабочих и крестьян России и, как ей, так и любой стремящейся к захвату власти группе, не поможем ничем.

Нас несколько не прельщает надежда видеть в России учредительное собрание, которое рано или поздно, а сумеет обморочить народные массы, крепко заковав их в цепи политической и экономической кабалы. Мы уверены, что вся практическая программа партии правых социалистов-революционеров бессильна что-либо дать рабочему люду и, наоборот, многое даст буржуазии и той части интеллигенции, которая эксплуатирует трудящихся.

Законодательная деятельность господ с.-р. нас не прельщает: мы видели ее образчики при Керенском. Он же показал нам, как с.-р. относятся к анархистам, разгромив дачу Дурново и убив там двух наших товарищей.

Нас не прельщает свобода, которую сулят нам социалисты-революционеры. Это — свобода буржуазных государств, свобода — самозванка, при которой плохо в материальном и унижительно в духовном отношении живет трудящийся. Теми учреждениями и свободами, которые сулят нам с.-р., могут пользоваться для себя только те общественные классы, в обладании которых находятся богатство или знания.

С правыми с.-р. нам не по дороге.

ТЕРРОР И ЭКСПРОПРИАЦИИ.

Мы — резко высказываемся в настоящее время против террора и экспроприаций. Все это — на руку только врагам рабочего люда. В федерации не должно быть сторонников этих методов борьбы. С удовольствием отмечаем, впрочем, что некоторые из бандитов, примазавшихся некогда к анархистам, теперь ушли от них, поступив на службу в чрезвычайные комиссии (ныне Г. П. У.), якобы для борьбы с экспроприаторами и там на новой работе, дают простор своим подлым инстинктам.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ КОМИССИИ (Г. П. У.).

Мы, хорошо зная настроение русского народа, настоящего русского народа, а не той его пены, которая является чиновничеством всех ви-

дов, заявляем, что практиковавшаяся и ныне практикуемая смертная казнь принесла и приносит неисчислимый вред советской республике. Не говоря о том враждебном отношении к нам, которое создается ею в рядах западно-европейских рабочих, мы хорошо знаем, что она создает громадный контингент врагов нашей республики внутри ее. Мы ясно видим, что смертная казнь не только не достигает поставленных партией коммунистов идей, но в корне подрывает возможность их осуществления. Невероятный разврат посеян палачами в рядах народа и партии.

Можно, не преувеличивая, сказать, что кажда́я пуля, пробивающая грудь торговца, именуемого спекулянтом или голову бандита или решаящая тела врагов коммунистической партии, вливается в истерзанное тело России и делает все более и более сомнительной надежду удержать завоевания нашей великой революции.

Глубоко заблуждаются те, кто думают, что смертная казнь нужна хотя бы для поддержки коммунистической партии: она оттолкнула от ее рядов сознательных и честных рабочих и крестьян и бросила туда отбросы русского народа, которым место не в партии, а в монархическом лагере...

Смертная казнь опозорила бывших революционеров, которых позволила обвинять в невероятной жестокости и в производе, в употреблении смертной казнь для личных подлых и грязных целей. Наш народ никогда не признавал лозунга "цель оправдывает средства" и опричина Ивана Сумасшедшего, хотя и была направлена, главным образом, против бояр, оставила по себе тяжелую память, не мало способствовала восстаниям Смутного времени.

Чем скорее исчезнут эти органы скорострельной юстиции и к тому же юстиции полицейско-административной, тем больше шансов будет у нас удержать завоевания революционного периода.

ОТНОШЕНИЕ К ВЛАСТИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Мы думаем, что всякая другая власть в России едва ли будет менее деспотичной. Мы

охотно верим, что захватившая всю власть в свои руки партия коммунистов хотела облагодетельствовать рабочее население благами коммунизма, но не имеем основания думать, что это ей удалось.

Самобманом является надежда, что правители могут ввести коммунистический режим мерами насилия над трудящимся населением. Все эти попытки заранее были обречены на неудачу. Правители России не могли рассчитывать встретить население, покорное воле властителей. Их попытки создать что то подобное общезнанию, устроенному в Парагвае иезуитами, не дали ничего похожего на коммунистический строй общества и даже не дали переходной ступени к нему. Впрочем, если бы даже и возможно было перейти от предпринятого коммунистической партией строительства к коммунизму — на этом основании нельзя будет сделать вывода о том, возможен или невозможен анархический строй общезнания, строй вольного рабочего социализма.

В настоящее время в Советской Республике рабочих и крестьян. Конечно, диктаторская привит диктатура, называемая диктатурой власть не принадлежит народным массам, массам трудового люда. Современная власть называется властью крестьян и рабочих только потому, что она изредка разсуждает об интересах рабочего люда. Но мы не видим, чтобы трудовой народ был доволен мероприятиями, проводимыми в жизнь партийным правительством, не видим, что он считает себя солидарным с коммунистами, не проводящими в жизнь даже слабого подобия коммунистической программы. Народ бесспорно желает сам руководить своими делами, ничем не санкционируя то руководство, которое захвачено над ним партией так называемых коммунистов, ее диктатурой. Народ определенно и ясно не хочет диктатуры, но, если большевики, называющие себя коммунистами, уйдут от власти, она будет захвачена какой либо другой общественной группой — вернее всего монархически настроенной частью буржуазии и старого чиновничества — и эти господа свирепно исковеркают народную жизнь, стремясь восстановить старый режим

НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К ПОЛИТИЧЕСКИМ РЕВОЛЮЦИЯМ И ВОЗСТАНИЯМ.

Ясно из всего изложенного, что мы не намерены принимать участия в политических революциях. Ни нам, ни рабочим массам не нужна политическая революция, то есть, смена одного начальства другим. Политические революции нужны только тем, кто хочет захватить власть в свои руки. К таким революциям могут стремиться только те честные люди, которые ошибочно думают, что народными массами должны править начальники. В действительности же, правители не нужны трудящимся и не могут освободить их. Эти задачи по силам только великому объединению трудящихся. Только само общество трудящихся, как целое, с его общественным почном, общественным опытом — знанием, общественным разумом и общественными организационными способностями, может устроиться на началах вольного рабочего социализма, то есть, на началах анархического коммунизма.

ОТНОШЕНИЕ К КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ.

Против контр-революции, хотя бы она выступала и под маской революции, мы выступим с оружием в руках.

ОТНОШЕНИЕ К III ИНТЕРНАЦИОНАЛУ.

Мы сожалеем, что не можем войти в III Интернационал, так как от членов последнего требуется признание властного строя (то есть, так называемой диктатуры пролетариата), как необходимого этапа к строю интегральной свободы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Анархия! — мать порядка и гармонии! К тебе мы стремимся и никакие соблазны власти и богатства не собьют нас с верной дороги. Все, что ведет к тебе, мы поддержим. Все, что мешает твоему воплощению, мы отбрасываем. Если нам предстоит выбор между двумя общественными организациями, мы станем на сторону той строя, который менее враждебен тебе. Миллионы искр летят от вольно-общинного, от анархо-коммунистического, мир освещаю-

щего пламени и, если такая искра попадет в голову и в сердце рабочего, он делает несколько шагов к рабочему социализму — другими словами — к анархическому коммунизму. Попадо несколько искорок и он подходит еще ближе. Все чаще и чаще сыпятся эти искры и рабочий вплотную подходит к источнику света и сам поддерживает его яркое горение.

Товарищи рабочие, крестьяне, интеллиген-ты, и вы, вышедшие из рядов трудового люда, солдаты и матросы! Смелее вперед к счастью, к вольной воле!

Ни хозяев! Ни правителей!
Да здравствует свобода, братство и равен-ство!

Да здравствуют вольные города и вольные селения!

Да живут вольные люди земли русской!
Да здравствует освобожденное, счастли-вое, богатое человечество!

За славную долю, за вольную волю, за братство всех людей — вперед, все вперед!

Вперед, во что бы то ни стало!

Аполлон Карелин.

О МИРЕ ВСЕГО МИРА.

Закончившаяся пять лет тому назад миро-вая война оставила после себя до того зияю-щие раны на социальном теле, что вопрос о мире всего мира стал теперь самым болезненным вопросом. Никому больше не хочется подверг-аться всем тем ужасам и кошмарам, которые обы-кновенно несет всякая война; всем хотелось бы прочного и гарантированного мира.

Но мира все еще нет. Мир (свет) все еще продолжает находиться под тяжелой гидрой бро-нированного кулака. Все еще отсутствуют самые малейшие гарантии в том, что в один прекрас-ный день не повторится то, что произошло в злополучный день 28-го июля 1914 года. Одна мысль, что эта возможность все еще не устра-нена и не обезврежена заставляет человечество содрогаться, и побуждает людей чаять и искать истинного мира.

О мире говорят все — без различия на-ций, пола и возраста. Всем он нужен и всем желателен. Почти в каждой стране ведутся кам-пании — особенно со стороны женщин — за мир. Почти на каждом съезде или конгрессе в порядке дня стоит вопрос о мире. Например, на съезде педагогов, состоявшемся весной 1923 года в Сан-Франциско, милитаризм был осуж-ден самым решительным образом, и было решено повести самую широкую пропаганду в пользу мира вплоть до назначения одного дня в го-ду "днем мира". Такое же антимилитаристичес-кое решение вынес и конгресс баптистов, сос-

тоявшийся в г. Стокгольме летом 1923 года. О конгрессах или съездах социалистов или ана-рхистов и говорить не приходится: они всегда были противниками милитаризма. Даже буржу-азия не могла обойти этот вопрос молчанием. Она тоже вынуждена была созвать пресловутую Вашингтонскую конференцию по разоружению для того, чтобы показать своим подданным, что она тоже дескать заботится о мире.

Теперь вопрос о мире начинает принимать довольно характерный и своеобразный вид. К прежним дипломатическим толкам, к прежним резолюциям съездов или женским демонстраци-ям прибавились еще миротворствующие фила-нтропы.

Некто Э. Бок, бывший редактор одного "женского" журнала в Америке, предложил 100.000 долларов тому, кто найдет самое верное средство против войны. Сто тысяч долларов до-вольно внушительная сумма, поэтому на такую уйму денег охотников нашлось не мало. Пос-тупило свыше 22 тысяч предложений, из кото-рых счастливец оказался номер 1469.

Не станем останавливаться на всей той "истории", которая создалась вокруг номера 1469, — хотя она очень прекрасно знаменует наше время интриг и взяток, — укажем лишь вкратце к чему сводится этот "новонаобретен-ный" проект о мире.

Автор этого проекта (имя его, как извес-тно, еще не опубликовано) видит спасение все

в тех же старых, потрепанных и не раз себя дискредитировавших средствах, а именно: в учреждении выш. междунар. инстанции. Известно, что с идеей междунар. инстанции уже не раз носились: целые реки слов и кипы бумаг были затрачены по этому поводу. Еще в 1899 г. по инициативе русского царя созывалась в г. Гааге по своему характеру антивоенная конференция и был учрежден третейский суд, что, однако, не помогло тому же русскому царю воевать с Китаем и с Японией. В 1907 году конференция заседала вторично и это опять таки ничуть не помогло всемирному взрыву в 1914 г.

В дыму мирового пожара, когда не видно было солнца, когда "земля тряслась как наши груди, смешались в кучу кони люди" — стала очевидной призрачность и никчемность всех этих Гаагских конференций и судов; и их место после войны было занято детищем Вильсона — Лигой Наций, которая, не смотря на свое кратковременное существование, уже успела засвидетельствовать свою бессильность (напр., инцидент Муссолини с Корфу, оккупация Францией Рура и друг.).

Вот в этой то Лиге Наций, в этом то "живом мертвце" по меткому выражению одной газеты, автор "нового" плана о мире и узрел спасение от всех зол и невзгод. Он предлагает Соед. Штатам вступить в Лигу Наций, если не в качестве официального члена, то по крайней мере усилить с ней сотрудничество; учредить при Лиге всемирный верховный суд, отцами которого являются статс-секретарь Юз и ныне покойный бывший президент Гардинг; и при помощи этих инстанций предотвращать всякие войны.

Трудно допустить, чтобы в этом проекте о мире не заключалась своего рода политика, — уж слишком очевидно, что все здесь исходит из тех чисто домашних подсчетов и расчетов, которые по обыкновению существуют в каждом государстве. Автор проекта по всей вероятности настроен оппозиционно к тем элементам, которые стоят теперь у руля правления Соед. Штатов и которые отмахиваются от всяких Лиг Наций, и вот он пользуется случаем, чтобы им "насолить".

Но оставляя все это в стороне и допуская, что проект о мире есть искреннее желание автора, все же нельзя согласиться, чтобы таким путем мог быть достигнут мир. Пусть Соед. Штаты войдут в Лигу Наций, пусть последняя будет реорганизована на таких началах, как это понимает автор проекта, пусть будет учрежден мировой верховный суд, — мира все-таки не будет.

Во-первых, не будет его потому, что ни Лига Наций, ни Верховный Суд не могут располагать никакой реальной силой (у них ведь не может быть ни армии, ни флота). Их сила и авторитет будут чисто проблематичными, т. е. они будут действительными лишь до тех пор пока большинство стран — или по крайней мере большинство главных стран — будут добровольно им подчиняться и с ними солидаризировать. Если же одно, два или три больших государства вздумают поступить согласно своим личным соображениям, то никакие мировые (бумажные) инстанции не удержат их от этого, как ничто не удержало Германию в 1914 г. вторгнуться в Бельгию, а Соед. Штаты несколько лет тому назад полонить маленькую республику Ганги. Мораль и право современных государств, ведь, на кончике штыка!

Во-вторых, не будет мира потому, что при сохранении нынешнего положения вещей нельзя мечтать о мире. Глубоко ошибаются те, кто думает, что войны происходят в результате несогласованных отношений государств, и что следует лишь учредить аппарат для урегулирования этих отношений и всему будет конец. Причину войн следует искать гораздо глубже — в самой природе современных государств.

Все современные государства, как известно, являются странами с высоко развитым и интенсивным хозяйством. Предметы производятся не для личного потребления, а для рынка; при том в таком количестве, что рынок собственной страны их не может поглощать: во-первых, потому что большинство населения не обладает высокой покупательной способностью; во-вторых, потому что самим предпринимателям не всегда выгодно сбывать свои изделия на внутреннем рынке. Предпринимателям (а вместе с

тем и государству), гораздо удобнее экспортировать свои изделия в другие страны. Но другие страны тоже заполнены предметами своего изделия или ограждают себя высокими таможенными пошлинами. Приходится, следовательно, искать такие страны, где промышленность развита слабо, где можно продавать свои фабрикаты по высокой цене и получать оттуда сырье по цене сравнительно низкой.

В этих то поисках сбыта своих товаров — при том сбыта выгодного — и сталкиваются интересы капиталистов разных стран и зачастую доводят до войн. Устранить подобные столкновения можно, разумеется, лишь изменением самого корня хозяйства, а не учреждением над этими антагонистическими началами каких то эфемерных международных инстанций.

Кроме этой чисто экономической причины есть еще и другая причина, которая очень прекрасно характеризуется в Америке всего лишь двумя словами: Уолл Стрит. Это — биржевые спекулянты. Каждое государство, помимо своей политической сущности, является также безмерным пожирателем национальных ценностей, т. е. ведет громадные расходы. Расходы эти до того велики, что не всегда хватает на покрытие их тех денег, которые собираются с населения в виде разных налогов, и государство вынуждено прибегать к займам. Нужда в займах наиболее велика именно тогда, когда государство больше всего сопряжено с расходами; а расходы достигают наивысшей точки, как известно, во время войны. Таким образом, биржевые спекулянты непосредственно заинтересованы в войне. Им в высшей степени безразлично — кто и с кем будет воевать, — лишь бы воевали. Они прекрасно знают, что всем для ведения войны одинаково необходимы колоссальные затраты денег, а деньги то ведь в конце концов находятся у них, у биржевых спекулянтов. Следовательно, к ним-то будут обращаться за деньгами, с предложением выгодных условий.

И действительно, на примере только что закончившейся войны мы видим, что за какихнибудь три года чуть ли не все золото из Европы перекачались в Америку, — разумеется, не американскому народу, а дельцам с Уолл

Стрит. И если теперь кто либо вправе кичиться лаврами победы, так это — не Франция, франк которой все еще продолжает лететь в пропасть, а американские биржевые тузы.

Затем, помимо биржевых спекулянтов, дающих государствам займы под большие проценты, есть еще один элемент, который также непосредственно заинтересован в войне. Это — владельцы амуниторных фабрик. Им так же, как биржевым спекулянтам, безразлично кто и с кем воюет. Они тоже отлично знают, что кто бы ни воевал, всем нужна амунитория, а амунитория то всегда у них, у владельцев амуниторных фабрик. И само собой понятно, что чем больше бывает войн, чем длительнее и жесточе они, тем вольготнее живется "амуниторным королями".

Если бы кому либо пришлось исследовать этот вопрос более детально и более тщательно, то вероятно он пришел бы к тому заключению, что нити всех мексиканских неурядиц и восстаний в значительной доле находятся в руках американских амуниторных фабрикантов. Последним выгодно если в Мексико дерутся и стреляются, так как для этого покупается у них амунитория (открыто или тайным образом).

Можно было бы привести еще не мало причин, вызывающих войны, но и из вышеприведенных достаточно ясно, что никакие Лиги Наций или Верховные Суды не смогут утвердить на земле мир до тех пор, пока положение вещей будет оставаться в таком порядке, в каком оно находится сейчас. Для того, чтобы измученный мир мог быть обеспечен миром необходимо следующее:

- а) поставить народное хозяйство на рациональную почву, а не на почву наживы;
- б) уничтожить государственный аппарат, как источник расходования даром народных благ;
- в) упразднить всякое ростовщичество;
- г) амуниторные заводы превратить в заводы по выделке плугов, ткацких станков и т. п. предметов необходимых для мирного преуспеяния жизни.

Ни одной из вышеназванных мер ни Лига Наций, ни Верховный Суд провести в жизнь

не могут, ибо это было бы открытое посягательство на тех, кто в сущности все эти мировые инстанции благотворительствует. Поэтому, нам кажется, что все добрые пожелания Э. Бока и назначенные им 100.000 долларов никакой существенной пользы — в пользу мира — не приносят. Появится несколько раз в печати фотография самого благодетеля, фотография автора "нового" проекта, покричат, пошумят газеты и... все пойдет своим чередом.

Одна только маленькая польза может быть от всего этого: это — то, что вопрос о войне и мире будет шириться и распространяться. Га-

зеты уже сообщают, что в некоторых странах план Бока вызвал подражание. Очень возможно и очень естественно, что в других странах тоже не пойдет дальше Лиги Наций или какогонибудь Верховного Трибунала, состоящего из нескольких старичков, но тем не менее в результате всех толков население будет все больше и больше проникаться отвращением к войне и попытаться жаждой мира. И, быть может, эта крупица пользы послужит началом истинному осуществлению мира.

А.

СВОБОДА, ГОСУДАРСТВО И АНАРХИЯ.

В. К.

Нигде не затмнен до такой степени вопрос об индивидуальной и коллективной свободе, как в современной науке и ее различных учениях о сущности и задачах государства. С суеверным почтением первобытных людей ученые писатели на разные лады славят государство, государство — провидение граждан, государство — совершенный организм, подлинный образ свободной личности, государство — вдохновитель и поощритель всего и во всем. Организовать свободу и снабдить ее всеми необходимыми гарантиями возможно только организуя, укрепляя, консолидируя власть государства. Такими философскими сгущениями и обволакиваниями типичнейший образ утонченного рабства и грубого принуждения принимается за свою противоположность.

Как объяснить такое поразительное извращение реальнейших фактов действительности? Почему не в кабинетных только измышлениях ученых, но и в своей истории современные народы, стремясь водрузить знамя свободы, сумели только выработать режим государственного порабощения.

Ослепление народных масс объясняется вековыми навыками и привычкой к условности, насаждаемой гибкой теорией, услужливо приспособляющейся к существующему порядку. Сохранение его или даже преобразование по

планам определенной группы политических реформаторов всегда ставится как абсолютная, самодовлеющая цель.

Пред ложной важностью этой задачи в умах самых выдающихся политических деятелей и искреннейших ученых ступенькается, отступает на задний план и наконец совершенно вытесняется человеческая личность, гаснет доверие к ней, а ея свобода — этот подлинный и единственный центр нашего существа — приносится в жертву идолу государства.

Современному поколению человечества приходится покидать плоды поклонения сотворенному в государстве кумиру. Олицетворяющие его теперь всюду ничтожные кучки политических деятелей тонут в пучинах темноты и невежества народных масс, всегда готовых в своей слабости к конвульсивным вспышкам разрушительных инстинктов и совершенно неспособных к дисциплинированным усилиям творческой, созидательной работы. Но не смущают ученых государствоведов эти факты, — попрежнему верят они в свои силы и методы.

Пусть кругом царит хаос государственной смуты и паники, а наиболее прозорливых наблюдателей осеняют предвидения заката государственности и гибели культуры, пусть социализм бьется в тщетных попытках согласовать свои идеалы с действительностью и практичес-

ки объединить их, пусть синдикализм и коммунизм расставляют уже сети открытой тирании, — зараженная и искаленная мысль государствоведов все будет размышлять чуть ли не об онтологической сущности государства, его юридической, моральной личности. Они по прежнему спокойно выпускают трактаты о представительном правлении в конституционных государствах, с сопутствующих эпифеноменах конституционной ответственности министров, депутатов и других представителей, задумываются в числе прочих проблем и над так называемым постулатом свободы и ее гарантий. А народные массы, убедившись на опыте в настоящем ничтожестве и подлинной слабости и парламентаризма и социализма, с детским проеотодушием отдают свои симпатии новому льстецу и обманщику — фашизму.

Попробуем же еще раз пересмотреть инвентарь аргументов, приводимых в защиту государства и прочих политических учреждений, чтобы убедиться, что ничего, кроме лжи, не содержится за этими учениями и что единственный выход для логических запросов и для практического поведения заключается в отрицании государства.

Существование государства, по учению самых прогрессивных представителей демократического либерализма, оправдывается выполнением трех важнейших задач социального существования: обеспечения индивидуальных прав, поддержания общественного порядка и содействия социальному прогрессу.

Первая задача должна выполняться путем насаждения и развития в народных массах чувства права, уважения к чужим интересам. Проводником и воспитателем этих чувств является суд. Но не организация его на началах беспристрастия и независимости, а в сущности на основе интересов господствующего класса, озабочивает политических деятелей и вторящих им писателей, а его бессилие, нежелание народов подчиниться приказам в форме судебных решений или еще более назойливых административных распоряжений. Перед этим фактом пасуют самые либеральные умы и кончают признанием за государством греха недостаточной си-

лы и бдительности. Начавши скромно свой перечень указанием на усилившуюся, например, благодаря автомобилизму, опасность уличного движения, они кончают доносом на рабочих, которые имеют смелость отсылать финансовым агентам государства налоговые списки. Это клеится и как провокация и как вызов государству, без всякой заботы о том, обеспечило ли государство рабочим минимум существования. Вот приблизительно и все, что дает государство для обеспечения индивидуальных прав, прав личности, прав свободы. Не поднятие личности до высоты настоящей свободы, где она сама является своим автономным законодателем и судьей, центром отдачи в мир оригинальных своих свойств и притяжения циркулирующих в нем энергий, а принижение ее до рабства приходящим извне и совершенно ей чуждым велениям — вот что создается в результате государственной опеки личности и охраны ее свободы.

Вторая задача государства по восстановлению и охране общественного порядка и установлению социальной гармонии выполняется с совершенно обратным постановленной цели результатом. Несмотря на то, что в этой области государственная власть и ее защитники особенно охотно присваивают себе наименование власти социальной, она в сущности является только ширмой, за которой все те же кучки активных политических дельцов проводят свою политику, устрояя на этом пути всякие препятствия. Главным врагом благодетельного государства оказывается неожиданная и невытравимая способность отдельных индивидов, независимо и, преимущественно, вопреки намерениям государства складываться в коллективные организации и вырабатывать своеобразный уклад отношений, далекий от государственных идеалов. Для ограничения роста свободно-коллективных организаций государству приходится напрягать все усилия, чтобы держать в узде врага, постоянно изобретающего новые способы уходить от его влияния. На месте порядка и гармонии вырастают ядовитые побеги сыска, слежки, незуитизма и макнавелизма.

Третья задача государства состоит в содействии социальному прогрессу. Государство

становится в позу вдохновителя и поощрителя всего выдающегося, индивидуального, способного. Но и тут оно ничего не создает, кроме шаблонов и трафаретов, в призрачной надежде обманывая и себя и других, таким образом сделать отдельное лицо способным отставать и самостоятельно гарантировать свою свободу, свои творческие силы.

Все эти аргументы ложны и по подходу и по способу разрешения поставленных задач. На мир, людей, их свойства смотрят сквозь призму государства. Надо иметь мужество убрать этот фетиш. Тогда представится чудовищно произвольным и безнадежным принцип давления людей на руководящих вождей-избранных и якобы ищущих руководства людей, массы, толпы. Никакие заботы о социальном прогрессе не могут искупить непоправимого вреда с незапамятных времен наносимого человечеству этим механическим подразделением. Переход от непосредственного правления народных собраний древности к представительному строю современного парламентарного государства совершенно не гарантирует прав личности. Под гипнозом приказов и повелений водились массы в древности, по указке парламентарных болтунов, или невидимых режиссеров водятся и теперь партийные массы статистов, связанные как рабской цепью "партийной дисциплины".

На фоне этого водительства неуклонно вытравлилась у людей органическая волевая сила, подавлялись свободные импульсы к творческой работе по устройению жизни. Напрасно новейшие апологеты государства видят в государстве особую подходящую школу для изощрения и развития дополняющего всякую свободу чувства ответственности. Культ этого практического противоядия свободы в парламентаризме приобретает совершенно комический и в то же время трагический характер. Чуть ли не каждый день разыгрывается в парламентах, на партийных собраниях драма нравственной ответственности политических представителей пред своими соплеменниками и хозяевами, но в то же время всем известно, что не тут и не тогда, когда этого требует дело, решается судьба политических мажоритов. Наружу, через посредство обрабатыва-

емого прессой общественного мнения, выступает эта комедия и преподносится как мощное проявление потока общественной совести, общественного суда.

Стоит однако посмотреть на периферии, отражение и действие такой обработки общественного мнения, чтобы видеть ее непоправимый вред. В ответственные минуты политической и общественной жизни народ безмолвствует. По вопросам политической, общественной и частной жизни все бегут от необходимости ежеминутно во всех положениях и вопросах принимать самостоятельные решения.

Только анархический строй может открыть простор для того, чтобы вырабатывались люди, а не игрушки обстоятельств. Жизнь не по указке и не под влиянием импульсов, исходящих извне, а при постоянной напряженности всех сил и с готовностью нести все последствия принятых решений — вот остановка и жизненная среда анархии и только она может подготовить появление настоящего человека и создать сильную людскую расу, которая сразу изменит воззрения на задачи и темп исторического прогресса.

Анархия идет своим путем, где нет места шаблонам, искусственным меркам, законам больших чисел в приложении к человеку. Она отбрасывает веками взрощенный арсенал упрощения, сокращения, фикций и предположений. Пусть каждая индивидуальность определяет свой путь развития, просвещения и творчества в личной, общественной и мировой жизни. Она не останется одинокой, ибо запас опыта, авторитета и понимания свободно откроется на встречу ее исканиям.

При торжестве анархического порядка благами свободы пользуются и индивид и все общество. Порядок будет таким, каким сумеют создать его и все вместе и каждый порознь. Вот почему никакие миражи научных хитросплетений и теперь не могут затуманить ясной картины нашего идеала, ибо он осуществится не на искусственной и тепличной сцене государственного лицедейства, а на открытой арене мировой целостной жизни.

ЗАКОН ВНЕШНИЙ И ЗАКОН ВНУТРЕННИЙ.

ВЛАСТЬ И БЕЗВЛАСТИЕ.

П. К.

Человек развивается в эволюционном порядке. Тысячелетия проходят прежде, чем человечество завоеует себе новые формы жизни, рождающиеся в болезнях, требующих неисчислимого количества жертв.

На пути человеческого развития стоят две силы добра и зла.

Зло, даже в теперешней стадии человеческого развития, преобладает над добром.

Спрашивается: почему зло преобладает в человеческих взаимоотношениях над добром, хотя каждому известно, что путь духовного прогресса проходит через борьбу доброго начала со злым.

Путь добра, развивающего человеческую личность и делающего ее наиболее совершенной, проходит через жертвенное служение, т. е. на этом пути человек постоянно должен помнить, что в его взаимоотношениях с людьми, должна господствовать уступчивость. Он не должен защищать и умножать свои эгоистические потребности, а, наоборот, ежечасно, ежеминутно должен помнить и должен быть готовым не только на словах, но и на деле к ограничению своих потребностей на общее благо.

Данный путь многотруден и тернист, но он естествен, а потому и верен в смысле дальнейшего совершенствования человеческой личности.

Путь зла ближе человеку; с этим путем легко уживаются человеческие потребности, ибо этот путь не требует от человека жертв, наоборот, жертвы требуются от другого лица, этот путь осяцается девизом: "цель оправдывает средства".

Это значит, что если человеком или какой либо организацией намечена определенная цель и твердо принято решение к ее достижению, то путь и средства, при помощи которых происходит достижение цели, только наилучшим образом обдумываются, но не оцениваются с точки зрения того зла, которое будет причинено одному или многим людям.

При таком способе реализации намеченной

цели, не думают о том, сколько горя, слез и крови, сколько человеческих трупов украсят путь достижения цели, сколько обездоленных, осиротевших, голодных и искалеченных людей, бряцающая кандалами, будут украшать триумфальный путь победителей.

Об этом не думают потому, что вдохновитель победителей лично не приносит жертв. Он лишь пользуется трофеями, он лишь упивается властью, богатством, почестями, славой, независимо от того, что эти ценности обильно полны слезами и кровью.

Следовательно, требовать жертв от других значительно проще, легче и выгоднее, чем руководствоваться на жизненном пути принесением личных жертв, клонящихся к самоограничению, к завоеванию общественного блага.

Вот почему путь зла легче, общедоступнее и обаятельнее для человечества, путь же жертвы, не расцветается цветами славы, почестей, богатства и славы. Путь добра знает, что вышеперечисленные ценности являются временными, преходящими, добродетели же, украшающие человечество и покаяющиеся на проявлениях любви, жертвы и самоограничения, — вечны, а следовательно они и истинны, а потому и путь добродетели является естественным, истинным в отличие от пути зла — искусственного, теоретического.

Вышеприведенные мотивы понуждают нас высказать общее положение, клонящееся к тому, что в эволюционном порядке развивается и внешняя форма человека, благодаря чему мы легко отличаем по внешнему виду интеллигента от неграмотного. В эволюционном порядке развиваются и психические способности человека, ибо по уму люди так же отличаются друг от друга, как и по внешней форме.

Физическая и психическая сущности, проникая друг друга, создают личность с ее потребностями, регулирующей базой которых является понятие о добре и зле. В зависимости от развития физической формы и присущего ей

духовного содержания человек все больше и больше удаляется от пути зла, переходя на стезю добра, и наконец он вполне утверждается на последнем пути. Данный эволюционный путь отражается не только на индивидуальной личности, но и на взаимоотношениях человеческих сочетаний.

Путь добра есть путь развития закона внутреннего, руководимого совестью.

Совесть человеческая, будучи развита в достаточной степени, руководит человеческими поступками, создавая поведение, по которому люди различаются так же, как и по внешней форме.

В основе закона внутреннего лежит аксиома: "не желай другому того, чего себе не желаешь".

Данная формула, являющаяся истиной, ведущей человека к самосовершенствованию, не может быть изжита человечеством, она будет всегда вести его все к большим и большим высотам духовного развития.

Нам приходится выдвигать духовное развитие не ради каприза, не ради спора, а мы принимаем его как неизбежность, как истину для лица или целой группы, идущих по пути анархического завоевания.

Если анархист сознательно и всецело отдается безвластию, то он должен проверить себя и твердо решить, чем он будет руководствоваться в своих поступках, каким примером он будет служить человечеству, каким пламенем будет гореть его сердце в человеческих взаимоотношениях.

Если анархист не овладел формулой: "не желай другому того, чего себе не желаешь", то он еще не анархист, ибо он внутренне не созрел до того, что-бы обходиться без принудительной внешней власти. Его внутренний контроль, оценка и моральная сдержанность не выросли, не окрепли в достаточной степени. Его совесть не подчинилась своему влиянию низменные потребности человеческой личности. Его сердце не испепелило влечение к власти, почестям, богатству и славе.

Если власть, почести, богатство и слава являются для человека властными ценностями,

то как-же он может уклониться от власти внешнего закона?

Такой человек не анархист, ибо он уклоняется от внешнего закона лишь потому, что беззаконие даст ему возможность более широко и грубо проявлять необузданность своих инстинктов, более ярко реализовать свое моральное падение.

Тогда чему-же он научит своих последователей?

Такой человек научит своих последователей множить человеческие несчастья, сопровождающиеся плачем и скрежетом зубов.

Но разве мало слез и стонаний в жизни, разве мало раздетых, холодных и голодных, разве нужно еще увеличивать человеческие страдания?

Думается, на поставленные вопросы можно дать только отрицательный ответ.

Если человек становится на борьбу за человеческое счастье, то он прежде всего должен нормировать связь с приемами, причиняющими другим страдания, он прежде всего должен выработать в отношении себя готовность не только сдерживаться, но навсегда отказаться от причинения другому лицу простых неприятностей, а не только страданий.

Достигнуть такого совершенствования нельзя, пользуясь законом внешним, лишь закон внутренний, голос совести в состоянии вывести человечество из роли страдания.

При неокрепшем внутреннем законе, когда человек очень часто в своих поступках руководствуется указаниями зла, когда контроль его совести не достаточно активирован, тогда вырабатывается потребность к самоограничению при помощи закона внешнего, влияющего в юридические нормы, имеющие принудительный характер.

В этот период человек живет еще в рабстве.

Рабство человека есть побуждение внутреннее, исходящее из его эгоистических потребностей, базирующихся на выявлении зла.

Зло есть противник добра, туман для разума, угнетатель человеческой совести; оно имеет также притязание на добродетель и потому оду-

рманивает людей при помощи закона внешнего, выливающегося в юридические нормы, насильственно внедряемые в человеческие взаимоотношения, обманывая народ иллюзорностью своего служения добру, заставив человечество дорожить властью, почестями, богатством и славой, возведя их на высоту божественности и создав им жертвенник, на котором приносятся кровавые жертвы.

Закон внешний — закон силы есть трафарет для большинства, сковывающий мощь, т. е. людей, вступающих в конфликт с существующими юридическими нормами. Если закон внешний не ограждает людей вполне от преступлений, а как будто, наоборот, вырабатывает кадр специалистов, старающихся как можно лучше нарушать данный закон для того, чтобы избежать ответственности, то независимо от того, что внешний закон существует много веков, он нигде не достиг идеала, нигде не стал на высоту абсолютного достижения добра.

Между тем, когда люди вступают хотя бы и в самые простые и временные сочетания, они все же мыслят последнее при наличии живого, объединяющего начала, например толпа имеет своих вожakov. На первый взгляд кажется, что без данного объединяющего цемента обойтись нельзя, но рассматривая юридические нормы, мы находим в них указания на то, что коллектив баррикадирован от ответственности, и власть всегда выявляет зачинщиков для производства над ними своих экзекуций. Следовательно, самая элементарная власть вожака толпы не является спайкой людей, а будущим ответчиком, ибо толпа всегда является бунтарем, против существующих юридических норм, против норм внешнего закона, порабоощающего человеческую личность и лишающего ее развития по естественному внутреннему, моральному закону, базирующемуся не на применении силы, а на влечениях совести.

Власть приучила людей ко лжи, она веками принуждала их верить в то, что она есть защитник общества от т. наз. вредных элементов, но последние являются продуктом того же внешнего закона, в конфликт с которым они вступают; если бы не было закона, то не было

бы и его нарушителей.

Затем закон внешний мыслится как распределитель материальных благ, но каждому известно, что он не только не достигает в этой области совершенства, наоборот, неуклонно удаляется от него все дальше и дальше.

Считают, что внешний закон есть проявление мудрости и справедливости. Мудрость еще настолько не присуща теперешнему умственному состоянию людей, что они не могут создать ни одной истины, а лишь творят теории, господствующее в науке, искусстве и технике не более 25 лет. О справедливости приходится говорить еще меньше, так как она может быть лишь источником закона внутреннего, а не внешнего.

Более губительное влияние оказывает закон внешний на молодых вмешательством в образование и воспитание.

Какая бы власть ни была, она упрочивает свое положение путем внедрения в человеческую психику юридических норм, навязывая мнения, что только они могут облагодетельствовать человечество. Между тем такое внедрение в психику ненужного багажа, только обременяет последнюю и затуманивает развитие единственного действенного внутреннего закона.

Власть считает себя покровителем сырых и убогих, но всем известно, что чувства взаимопомощи развиваются только тогда, когда они освещаются лучем внутреннего закона.

Власть возглавляет территориальное объединение людей и создает национальности с их отрицательными свойствами.

На пути человеческого развития бывают моменты, когда внешний закон не в силах охранять своих границ, ибо существуют также организации, которые прорывают железное кольцо территориального и национального объединения. Идеи науки и искусства не знают границ и создают своеобразное человеческое единение, известное под именем публики; последняя не знает границ своего пребывания, т. е. публику может объединять напр., автор тех или иных идей не только на своей родине, но и за ее пределами.

Если и теперь существуют такие организа-

цип, которые стирают искусственные границы, созданные внешним законом, то данное положение, как нельзя лучше, доказывает искусственность и не нужность территориальных границ.

Власть считает себя покровителем наук, искусств и техники, но если бы она предоставила им свободу развития, то, конечно, эти человеческие знания очень быстро стали бы совершенствоваться, ибо опека, как бы ни была благожелательна, она все-же вредна, но к сожалению она бывает благожелательна только к определенному течению в науке и искусствах, некоторые же отрасли из них власть считает для своего существования или не желательными, или вредными, тогда их развитие совершенно прекращается, благодаря чему насильственным путем тормозится дальнейшее развитие целого народа.

Наконец, в идейном смысле власть считает себя конденсатором чаяний, предположений и стремлений всего народа, создающего яко-бы свою историю.

История отдельных народов выросла на ложном понятии о власти, на внедрении в человеческую психику понятия о том, что без власти существовать нельзя, что только принудительная власть в силах реализовать общие стремления, что эта сила рассеивалась бы при отсутствии власти, и народ пошел бы по пути регресса.

Всякое уклонение от естественного развития создает тормоз в начале и атрофию как последствие данного уклонения. Всем известно, что орган, будучи искусственными приемами лишен деятельности, атрофируется, всем известно, что богатые люди быстро вырождаются, если они уклоняются от созидательной работы и переходят на паразитарное существование. Этот же закон приложим и к развитию закона внутреннего, находящегося под контролем совести.

Закон внутренний или закон моральный, есть закон естественный, вложенный в человека его природою, но жизнь, создавшая власть, при помощи последней, направила все свои силы на то, что-бы развивать закон внешний и тормозить, атрофировать закон внутренний, предполагая, что искусственно созданный закон впо-

лне заменит закон естественный.

Внешний закон, создававшийся тысячелетиями, охватил, сковал все стороны проявления человеческого духа и создал преимущества, как для самой власти, так и для арсенала ее поддерживающего. Пользуясь всеми средствами, институт власти будет поддерживать закон внешний со всеми его темными стремлениями.

Но народ должен наконец познать, что ему внешний закон не только не нужен, а вреден, он тормозит развитие естественного внутреннего закона и тем отдаляет от человечества истину, пряча ее под кровавые тряпки знамен. Духовное развитие и совершенствование могут идти правильно лишь при устранении самого главного и наивреднейшего налета — принудительной власти.

Власть группирует вокруг себя богатства, почести и славу, т. е. средства, при помощи которых можно одурманить человека, гипнотизировать его, превратив эти ценности в предмет достижения, ибо данные ценности превратились в идолов, требующих наибольшее количество кровавых жертв. Благодаря тому, что богатство, почести и слава создают иллюзию исключительно выгодных условий для земного существования человека, власть окружает себя выдающимися умами, которые в своих речах и произведениях создают благоговение, очарование и стремление людей к этой иллюзорности человеческого счастья, за которой действительное счастье духовного совершенствования прячется, угнетается, поработачается.

У человека есть страж, контролер и ценитель его поступков — совесть, создающая внутренний закон, последний только и подлежит дальнейшему развитию и совершенствованию, а потому и спрашивается: на что нужен человеку внешний, выдуманный и органически несвязанный с его личностью закон внешний, что может дать последний кроме несчастий, на сколько тысячелетий он может задержать прогресс человечества, сколько человеческой крови прольется по багряницам власти, сколько духовной энергии людей будет потрачено напрасну для охранения ее, сколько миллиардов строителей жизни найдут свои преждевременные могилы, сколь-

ко слез, стенаний и глубокого душевного горя переживет земля при наличии власти?

Что же это за неразрушимая цитадель, что же это за всепожирающий Молох, которому приносятся столь великие жертвы, откуда этот бог злобы, зависти, ненависти, мести, перед которым ступеньвается проявление добра, блекнет совесть, умирает человеческое достоинство, скрывается истина?

Не есть ли это мираж, не есть ли это злобная греза, издевающаяся над человеческим достоинством, не есть ли это тысячелетний гипноз, искусно поддерживаемый самим человечеством, не научившимся еще отличать рабство от свободы?

Настало время отрешиться от гипноза, настало время для того, чтобы сбросить великолепные палюзии, ослепляющей глаза, настало время, когда человечество нашло настоящий путь к истине, и оно пойдет к ней, отогнав зловещих призраков и разбив кровавые жертвенники.

Плач, горе и стенания будут темными пятнами лежать на страницах истории и напоминать "дела давно минувших дней, преданья старины глубокой", но действительность перестанет множить кровавые призраки, и спокойствие, мир, братство, равенство и свобода прочно укрепятся в жизни и в умах человеческих.

Это произойдет тогда, когда человечество повсеместно сбросит власть, перестанет приносить ей кровавые жертвы, перестанет петь ей хвалебные гимны, перестанет интересоваться ее мишурными привилегиями, перестанет служить ей, и тогда человек будет свободен, чист и велик, тогда он перейдет к светлому идеалу безвластия.

Со смертью закона внешнего проснется от тысячелетнего гипноза закон моральный, его величие, обаяние и свет переродят человечество, и пойдет оно неуклонно, спокойно, ликующей поступью к вечному, незабываемому храму любви и истинного знания.

ПЕРВОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ.

А. Карелин.

(Продолжение).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ И ВОЙНА.

Началась франко-немецкая война.

Рабочие давно уже высказываются против войны; их протесты были слышны и до 1870-го года.

Еще в 1866-м году Парижское отделение Интернационала выпустило манифест, выражая надежду, что народы не дадут ослепить себя дымом пушек, что они послушаются голоса солидарности и справедливости.

Правда, женеvский конгресс, осудив постоянные армии, высказался все таки за общее вооружение народа, за обучение народа употреблению оружия, но Интернационал высказался против войны на Лозанском конгрессе, о чем мы уже говорили. На брюссельском же конгрессе Интернационал не только высказался против войны, но было указано и средство, ко-

торым можно бороться с нею.

12-го июля, то есть, за несколько дней до объявления войны 1879-го года, Парижское отделение Интернационала выпустило воззвание, обращенное к немецким братьям, в котором французы убеждали их не слушать подкупленных и рабских голосов, пытающихся дать немцам ложное представление о настроении Франции. "Останьтесь глухи к безмысленной провокации, так как война между нами была бы братоубийственной войной... Наш раздор приведет только к полному торжеству деспотизма на обоих берегах Рейна"... "В ответ на воинственные восклицания тех, кто освобожден от налога крови или кто в общественных несчастиях находит источник новых спекуляций, мы протестуем, мы хотим мира, труда и свободы... Война, это — скрытое средство правительств для задушения политических свобод".

23-го июля выпустил свое воззвание и Главный Совет. Если от лиц, составлявших Главный Совет трудно было ждать чего либо мощного, то во всяком случае Интернационал мог ожидать провозглашения своих принципов. Тем не менее, и эта надежда не оправдалась. В написанной К. Марксом прокламации не только не напоминалось о решении Брюссельского конгресса, но только не был помещен серьезный протест против войны, но приводилось ни на чем не основанное утверждение, что война является для немцев "оборонительной" войной и прибавлялось, опять таки без тени доказательств, что, перестав быть оборонительной, она будет вредна для немцев, как в случае победы, так и в случае поражения. В этой прокламации говорилось и о предполагаемой Марксом роли России. Трудно представить что либо более незначительное, чем эта прокламация, ничего общего не имевшая с настроением и постановлением Интернационала.

Парижская федерация в призыве к рабочим всего света, снова протестовала против братоубийственной войны и ее виновников.

6-го августа кто то из немецких социалистов предложил рабочим Германии и Франции устроить всеобщую забастовку и писал в "Volkstaat": — "как война делает невозможной оплачиваемую работу, точно также прекращение труда сделает невозможной войну".

Но среди французов было много таких, которые думали, что против войны надо употребить другое средство — революцию.

8-го августа 1870-го года члены Интернационала и республиканцы сделали в Марсели попытку восстания и захватили здание Городской Думы (муниципалитета). Восстание было тотчас же подавлено и 15 человек были тотчас же приговорены к тюремному заключению от одного месяца до одного года.

4-го сентября парижская революция сделала Францию республикой. Тотчас же делегаты Интернационала и федеральной палаты рабочих обществ опубликовали на немецком и французском языках призыв к немецкому народу...

"Республиканская Франция приглашает тебя, — говорилось в нем, — во имя справедливости

положить оружие. Если нет, нам придется сражаться до последнего человека и ручьями лить твою и нашу кровь. Мы повторяем тебе то, что сказали европейской коалиции в 1793-м году: французский народ не заключает мира с неприятелем, занимающим его территорию. перейдя на ту сторону Рейна, Германия и Франция станут на обоих берегах оспариваемой реки и мы протянем друг другу руку. Позабудем военные преступления, которые деспоты заставили нас совершить друг против друга... нашим союзом оснуем соединенные штаты Европы. Да здравствует всемирная республика!". "От имени рабочих обществ и французских секций Международного Товарищества Рабочих. Следует 15 подписей.

Со свойственной ему манерой Маркс называл это обращение к немецкому народу нелепостью и немного позднее написал от имени Главного Совета "адрес" 9-го сентября.

Тотчас после провозглашения французской республики, Гильом и Блан выпустили (приложением к "La Solidarite") манифест, в котором писали, что Франция представляет собою свободу Европы, а Германия — деспотизм и реакцию и указывали, что члены Интернационала должны драться за Францию.

В манифесте 9-го сентября Маркс высказывал свой взгляд на присоединение Эльзаса и Лотарингии, при чем вопрос трактовался не с международной точки зрения, а с точки зрения военных сил Германии и России и с точки зрения возможной гегемонии последней Маркс (как это ни странно), убеждал в этой прокламации французы, рабочих не сопротивляться немцам "не дать себя увлечь воспоминаниями 1793-го года, как крестьяне позволили себя одурачить воспоминаниями первой империи". Эта прокламация была очень неудачная. В частности "как осмелился Маркс, — спрашивает Ж. Гильом — уподоблять воспоминания о великом революционном подъеме против армий монархической коалиции воспоминаниям о первой империи?".

В. Черкезов возмущается этим воззванием Главного Совета, приглашавшим "рабочих, не немецких и французских вместе, а только фран-

пузских не братья за оружие, не защищать своих близких и свою независимость“.

М. А. Бакунин в свою очередь отозвался на военные события. Он написал свои известные "Письма Французу о современном кризисе" — эту замечательную программу революции, которую он определил словами: — "спасти Францию анархией".

Но Бакунин не ограничился словами. Он отправился в Лион, где принял важное участие во вспыхнувшем там, но не увенчавшемся успехом восстании, имевшим целью федерацию коммун, уничтожение государства и спасение Франции от нашествия германцев. Бакунин покинул Лион с мрачными предчувствиями: "вместо живого и делового социализма Франции, — писал он, — мы будем иметь доктринерский социализм немцев".

Заметим здесь, что об участии Бакунина в Лионских событиях имеются совершенно не соответствующие действительности писания тех членов Интернационала, которые сидели во время этих событий в своих спокойных кабинетах и ожесточенно боролись с анархическим течением в Интернационале.

4 и 11 февраля 1871-го года общее собрание женеvских секций вынесло резолюцию, которой напоминало о постановлении брюссельского конгресса, указало на необходимость вести энергическую пропаганду против армий и учреждений, благоприятствующих войне, так чтобы протест Интернационала выражался не только в словах, но и в фактах. Для этого собрание предлагало рабочим отказаться от приготовления снарядов и военных запасов, затем предлагало им организоваться и солидарно отказаться от налога крови, от военной службы. Для такой пропаганды и для социального освобождения рабочего класса необходимо создать отделы Товарищества и, в особенности, деревенские отделы.

Заметим, кстати, что в своей брошюре "Гражданская война во Франции", (которая была издана, как манифест Интернационала), К. Маркс говорил, что только война рабов против господ может быть оправдана.

ПЕРЕД ВТОРОЙ КОНФЕРЕНЦИЕЙ.

Центральная секция Женевы позвала на общее собрание Бакунина, Жуковского, Перрона и Генри Сутерланда для того, чтобы они дали объяснение о событиях, имевших место на конгрессе в Шо де Фон. Приглашая Бакунина вторично, эти малоинтересные лица, называвшиеся "антиколлективистами" заявили, что на собрании будет прочитано письмо требующее удаления Бакунина из секции. Бакунин попросил дать копию письма и указать, кто подписал его, но не получил ответа. Как общее правило, клеветники не любят давать оклеветанным письменные удостоверения наличности клевет и предпочитают оставаться анонимами.

Никто из приглашенных не пришел на собрание женеvской секции и 13-го августа 1870-го года она запынула себя исключением из своих рядов вышеназванных лиц, но в ее рядах остался игравший там важную роль Утин.

Вышло все так хорошо: там, где имеются Утины, не место Бакунину.

18-го марта 1871-го года Париж объявил себя вольным городом-Коммуной. В правительство Коммуны было выбрано несколько членов Интернационала и это правительство, под давлением этих революционеров и — главным образом — уступая желанию рабочих масс, сделало несколько шагов по направлению к социализму. В это трагическое время противники анархистов продолжали свои интриги против "коллективистов". Госпожа Дмитриева, называвшая Маркса "современным Моисеем", была другом Утина и утверждала в марте 1871-го года, что "Союз социалистической демократии" не был признан Главным Советом за секцию Международного Товарищества Рабочих. Утин и его коммания повторили эти слова на общем собрании женеvских секций, а, когда Жуковский показал два письма Главного Совета, ясно доказывающие, что названный Союз был принят в Интернационал, Утин и его сторонники заявили, что эти письма подложны, что они знают о неприеме Союза в Интернационал от приехавшей из Лондона особы (то есть, от Дмитриевой). Тем не менее, вопросами члена Главного Совета Робина и ответами на них (в конце Июля

1871-го года) было выяснено, что показанные Жуковским письма были подлинными и что Союз был принят в Интернационал.

Дразги всех этих господ привели, впрочем, к тому, что "Союз социалистической демократии" прекратил свое существование 6-го августа 1871-го года.

Бакунин хотел, чтобы союз продолжал существовать и роспуск его едва ли не был ошибкой членов союза.

Эмигранты Коммуны и несколько членов бывшего Международного Союза социалистической демократии образовали в Женеве "отдел пропаганды и революционно-социалистической деятельности", но Маркс и Энгельс помешали этой организации вступить в Интернационал.

Члены Интернационала и "отдел пропаганды" помогали беглецам Коммуны. "Коллективисты" Швейцарии добывали для них паспорта, пересылали эти документы в Париж, делая таким образом возможным бегство коммунаров за-границу.

6-го августа федеральный комитет "коллективистов" писал Главному Совету, указывая на необходимость возобновить переписку, но Главный Совет не только не ответил на это письмо, но не пригласил даже делегата этой федерации на конференцию.

9—17 сентября 1871-го года в Валенсии собрались на тайную конференцию делегаты испанских секций Интернационала и эта конференция заявила, "что истинная федеративная де-

мократическая республика представляет из себя коллективную собственность, анархию и экономическую федерацию, то есть, свободную всеобщую федерацию свободных земельных и промышленных рабочих ассоциаций, каковую формулу конференция принимает во всех ее частях".

Ссылаясь на войну, Главный Совет отложил ежегодный конгресс Интернационала и созвал малочисленную конференцию. Программа этого несостоявшегося конгресса была, все таки, опубликована и сводилась к следующим пунктам: 1) Необходимость уничтожить государственные долги. Дискуссия о праве на вознаграждение. 2) Отношение между политическим действием и социальным движением рабочего класса. 3) Практические средства для обращения частной поземельной собственности в общественную собственность. 4) Превращение банков обмена в национальные. 5) Условия кооперативного производства в национальном раз-мере. 6) О необходимости для рабочего класса собирать обще-статистические данные о труде, согласно резолюции женеевского конгресса 1866-го года. 7) Новое изучение вопроса о средствах уничтожить войну.

А Бельгийский Главный Совет предложил следующий пункт: практические средства для устройства земельных секций в недрах Интернационала и об установлении солидарности между земельным пролетариатом и пролетариатом других производств.

Ч А С Ы Ж И З Н И .

В подвале грязном и ужасном,

В объятьях голода и тьмы,

Живем мы все мечтой ужасной:

О жизни вечно грезим мы.

Но как безумны наши грезы

И как безрадостны оне,

Когда страданья, кровь и слезы

Царят в тюремной тишине.

И знаем мы: пройдут мученья,

Сочтутся все земные дни,

Настанет жизни помраченье,

Угаснут все ея огни.

Придет палач в кроваво-красном,

Заставит нас одежды снять, Ь

Не даст узнать нам в миг ужасный

За что идет он убивать.

Убьет за то, что мы любили,

За то, что люди любят нас,

За то, что мы мечтою жили,

За то убьет он в этот час.

Не скажет больше здесь ни слова

Палач с Лубянки и, как тать,

Уйдет к другим и будет снова

Пытать и вечно убивать...

Москва. Ноябрь, 1923.

Дельта.

КАК И В КАКИХ УСЛОВИЯХ НАДО СТРОИТЬ ЖИЗНЬ НА СВОБОДНЫХ НАЧАЛАХ.

П. Михайлов.

II.

"ДВА ПУТИ".

(Окончание).

"Жизнь современная, рабская — кровавая и жизнь будущая, безвластная — разумная.

После того как мы слегка коснулись главных основ современного образа жизни и установили, что последняя построена на насилии, нам становится ясным, что современное наше бытие протекает в условиях для нас крайне неприемлемых. Также стало вполне очевидно, что если говорить о свободном образе жизни, то нельзя ставить в пример свободному устройству жизни теперешние рабские условия. Имея в виду жизнь на свободных непринужденных началах, придется отступиться от основ теперешней рабской жизни и доискиваться совершенно других форм, предлагающих иные начала, исповедующих иную нравственность и иную справедливость.

Если нас не удовлетворяют нравственность и справедливость, которые мы считаем за насилие, жизнь и порядок, которые нам преподносятся нашими управителями, то в чем же должны заключаться наши собственные понятия об них, и сможем ли мы найти и определить их сами для себя без посредства каких бы то ни было домохозяев?..

Мы уже убедились в предыдущей главе, рассматривая факты нашего порабощения, в том, что несчастья людей потому именно и происходят, что современная жизнь построена теми, кого лишь она удовлетворяет, но не теми, кто ею недоволен и кто только страдает от ее невыносимых условий. В этом то и лежат глубоко все те причины, которые одних заставляют искать выхода из создавшегося положения и игнорировать навязанные насильно жизненные условия, других — отстаивать созданную ими жизнь, в которой при этом им чувствуется и легко и тепло.

О том, что современные условия буржуазного строя обязывают нас к невыносимой жизни,

не приходится и говорить! Об этом свидетельствует сама современная жизнь, в рамках которой не живет, а задыхается теперь весь род людской, за исключением, конечно, буржуазии, которая, благодаря своему особому положению, не ограничивается рамками каких бы то ни было условий.

Несмотря на то, что буржуазия с пеной у рта отстаивает свой порядок жизни и силой закона защищает его, все-таки дух возмущения и недоброжелательства к порядкам рабского строя все более растет и растет. Из этого мы видим, что народ начинает понимать ту жизнь, которая возглавляется буржуазией и не далеко повидимому то время, когда он вполне поймет причины, заставляющие его подчиняться и рабствовать.

Вполне очевидно и известно, что существуют недовольные условиями современной рабской жизни. Но также не меньше очевидно, что одним безмолвным недовольством нельзя достигнуть каких либо иных более удовлетворительных форм жизни. Для этого несомненно придется что либо предпринять, действовать, а главное избрать вместо неудовлетворяющей жизни, новую удовлетворяющую. В целях этого придется решить, какие пути надо будет избрать в осуществлении лучших условий жизни, а также необходимо уяснить те новые начала и те пути, которые будут употреблены при постройке более разумной жизни.

Два пути, наиболее яркие и самые реальные, могут быть избраны современным человеком:

— Первый путь, это теперешняя рабская жизнь, т. е. "Современное рабское Общество".

— И второй — это совершенно новая жизнь, порывающая со всем старым — "Безвластно-свободное Общечитие".

Следовательно представляется возможность,

или подчиниться современным рабским условиям, или же строить жизнь на свободных началах.

Если избрать первый путь, то он не внесет ничего нового в жизнь людей, но будет беззастенчиво обвязывать влачить ржавые путы рабства, страдать под игом властного кнута буржуазного общежития; словом, придется взвалить на плечи угнетенного человека ту же невыносимую ношу рабства. И, конечно, путь этот, как мы уже знаем, не усеян розами, но за-то обильно полит кровью, и если остановиться на нем, то это значит всецело отдать себя в лапы буржуазному произволу, а не мечтать об улучшении жизни, ибо таким способом она неминуемо будет опопашена кровью, проливающейся во имя Власти и Капитала, во имя радостей одних и горестей других, во имя господства буржуазии и во имя угнетения пролетариата, — во имя тех же существующих теперь условий и законов жизни. Остановиться на условиях современной рабской жизни, это значит отказаться от своих прав на разумное существование! Это значит также: проявить желание проливать кровь беззащитных, невинных людей; участвовать вместе с государством и правителями в массовых убийствах и избиениях народа.* И не только участвовать в убийствах и насилиях, но и создавать кошмарные условия рабской жизни, обрекая этим на страдания других стремящихся к свободе и закабалия самих себя.

Все те, в ком еще теплится искра человечности, с негодованием должны отвернуться от этого кровавого пути! Что-б избрать его, или стремиться к его укреплению, или же хотя бы поддерживать имеющийся уже подобный порядок, нужно отречься от всего человеческого и воплотиться в драконоподобные существа, в жалких до крови хищников.

Итак предстоит выбор между кровавою жизнью и разумною! Те, кто жаждет насытиться кровью ближнего, пусть творят свое гнусное дело. Но пусть все они помнят, что не вечно они будут опиваться кровью беззащитных; придет время, когда угнетаемые и обездоленные люди не допустят своих унижений и отлитой кровью за кровь тем, кто на насилие и принуждении

стремится построить жизнь и закабалить ближнего. Это будет время великих переворотов, время революций, порывами которых будут искореняться рабство и кровавые формы жизни, во имя не крови и кровавой повседневности, а во имя жизни на свободных разумных началах.

Вне всякого сомнения, что люди рано или поздно, но с презрением отвернутся от властной, кровавой жизни и не пойдут по пути кровавому, а изберут путь безвластного свободного общежития. Этот последний тоже не усеян розами, ибо разумная безвластная жизнь впереди, а теперь лишь предстоит борьба за искоренение хищнических порядков буржуазного общежития. Тем, кто не стремится вместе с буржуазией к удовлетворению кровавого честолюбия, следует стать на этот единственно разумный путь и добиваться своего и всеобщего освобождения от гласи буржуазного произвола.

Не стоит и говорить о том, что найдется не мало людей, смотрящих с презрением на существующие современные порядки и жаждущих лучших взаимоотношений между людьми. В существующих условиях кроваво-рабской жизни не может быть иначе, ибо пока практикуется насилие над людьми, до тех пор будет оказываться и противодействие насилию.

И вполне ясно, что насилие будет употребляться до тех пор, пока угнетенная часть человечества, которая не видит в себе рабов и не противится своему порабощению, не сознает своего рабского положения, т. е. не допустит себя насильствовать кому бы то ни было. Следовательно, все внимание порабощенных трудящихся должно быть уделено их самосознанию, посредством которого они (трудящиеся) сбросят с себя бремя кроваво-рабской жизни.

Познать себя и понять окружающую жизнь, ставшую непримиримые условия — вот чему должен отдаться угнетенный человек. В противном случае, кроваво-кошмарные условия современной жизни будут неустанно сопровождать человеческое бытие.

Раз на всегда трудящимся настало время не стесняясь признать себя рабами, открыто всем заявить, что они в современном обществе являются всего лишь рабочей скотиной. Но по-

нятно, признать себя рабами, увидеть в себе существа, повинующиеся господам, не для того, чтобы оставаться такими навсегда, а для того, чтобы, уличивши себя в пресмыкании перед господами поработителями, устыдиться своих рабских образов и смыть с себя позорные пятна путем противодействия угнетателям. Для этого всем тем, кто пожелает стать на путь самосознания, а также на путь, ведущий к безвластной свободной жизни, придется совсем порвать с кровавыми формами современной жизни. И не только порвать, но также протянуть друг другу руку в совместной борьбе за будущую нормальную жизнь, против теперешних рабских условий и той неприглядной жизни, которая своими потоками крови затемняет умы людей и провозглашает убийство во имя торжества власти над людьми.

Итак, перед нами два пути:

Путь, ведущий к рабству и путь, ведущий к свободе. Для того, чтобы вступить на путь рабства, не требуется больших усилий. Стоит лишь примириться с теперешним рабским положением и изнывать под его игом. Слепое повиновение власти и государству и преклонение перед властью имущими с условием соблюдения всех применяемых ими законов, будет достаточной гарантией для осуществления пути, ведущего к рабству. Стоит только изъять свою готовность, подчиниться и беспрекословно повиноваться царящему теперь произволу, как уж все прелести современной безобразной жизни будут легко доступны всякому.

Но то, что легко, оно, как мы видим, кроваво и безобразно. То же, что нам кажется трудным — есть разумно и красиво.

Понятно, очень просто быть рабом власти и государства. Для этого ничего не требуется, кроме повиновения и преклонения и не в этом заключается красота жизни!..

Гораздо труднее быть свободным человеком и не допустить своего унижения перед насильниками! В этом заключается красота жизни, но это обязывает к борьбе с властью и государством, а не к повиновению им.

Следовательно, должны ли мы бояться трудности в борьбе за наше освобождение и долж-

ны ли преклоняться перед современным произволом, толкающим нас на путь крови и зла.

Ведь "легкость" подчинения и преклонения перед властью, хотя и кажется столь доступной, все же она, подобно борьбе за свободу, обязывает к известным трудностям: так как процесс подчинения и повиновения современному порядку так-же сопряжен с немалыми трудностями на первый взгляд, как бы незаметными, но болезненно ощутительными. И легким подчинение кажется потому, что люди, привыкшие к повседневному насилию, принимают его покорно, как нечто должное. Благодаря такому пониманию, процесс борьбы за свободу кажется наиболее трудным и опасным. Но на самом деле, процесс повиновения не менее опасен, ибо он, закабалая людей, ставит всецело этих последних в зависимость от государства и власти и делает жизнь невыносимой и рабской.

Как ни труден процесс борьбы за свободу, но он в своем конечном итоге движется к прогрессу и обещает в своем последующем развитии вовсе прекратить страдания людей, тогда как повиновение требует нескончаемого страдания и вечного пресмыкания перед властью и государством!

Стоит ли в таких условиях долго раздумывать в выборе жизненных путей?! Разве не ясно, что путь борьбы за свободу более приемлем, нежели путь, ведущий к вечному пресмыканию и рабству!

Лишь жалкие трусы, да привыкшие к повиновению господам, могут преклонять свои спины и лобызать руки своих тиранов. Те же, кто дорожит своим собственным достоинством, не будут гнуть своего горба перед господами, а скажут своим поработителям: "Отныне, мы больше не признаем вас достойными нашего дружества, ибо вы — не друзья наши, так как стремитесь нами управлять, желая превратить нас в своих рабов. Мы не желаем больше вам повиноваться и прославлять ваши деяния, потому что нашим повиновением вы пользуетесь как орудием в достижении вашего благополучия и деяния свои направляете к тому, чтобы сделать из нас покорных ваших рабов."

"Мы не считаем вас за своих господ и друзей, ибо вы наши враги! Вы стремитесь нас покорить своему владычеству и не желаете считаться с нами, как с равными. Поэтому, мы тоже отрекаемся от вас и не считаем вас больше достойными возглавлять и управлять нами.

"Отныне, мы будем стремиться к свободной жизни без господ, власти и без государства, заставляющего повиноваться. Наша цель, не рабское пресмыкание перед поработителями, а свободное безвластное общество, к которому мы и будем стремиться, как к лучшей форме жизни и за которое будем бороться с (вами) врагами, мешающими осуществлению нашего идеала".

И несомненно, все те, кто не захочет преклонить своей спины под удары господского кнута, будут поступать так и будут стремиться не к повиновению насильникам, а к борьбе с насильем за будущую безвластную жизнь. И они изберут путь, не современного рабского общежития, а путь безвластного свободного общежития.

Таким образом, можно пожелать заранее

успеха тем, кто вступит на путь борьбы, за безвластное свободное общежитие, ибо поработители будут стоять препятствием на пути к свободной жизни лишь до тех пор, пока угнетенный народ не вступит в процесс борьбы за лучшую свободную жизнь. Ведь поработители, их власть и государство могут быть насильниками только до тех пор, пока они не встретят препятствий со стороны угнетаемого ими народа.

Итак, пусть отойдет в область предания повиновение и преклонение перед властью и господами. Пусть будет воспринят угнетенным народом, для его же благополучия, путь борьбы с насильниками за лучшую красивую жизнь.

Да здравствует борьба угнетенного народа с насильниками, во имя уничтожения власти и во имя осуществления безвластного свободного идеала!

Долой современную жизнь, рабскую — кровавую!

И да здравствует жизнь будущая — разумная, безвластная — свободная!

Ф А Н Т А З И Я .

Памяти великого поэта.

Прости, прости Земля! Тревожный и печальный
Я где то слышу звон твоих колоколов.
Они поют тебе гимн Смерти и Заката
Твоих последних мук, страданий и скорбей.
Во тьму прошедшего уходят молчаливо
Твои угрюмые и горестные дни
И бледным пламенем беззвучно догорают
Твои холодные огни.
Виденья жуткие, таинственные тени
Встречаешь всюду ты и слышишь как они,
Исполнив пляску Зла, Безумия и Смерти,
Зловещим хохотом смеются над тобой.
И вот, в последний час агонии предсмертной,
Победой грезишь ты и вечным возвышением,
Но силы больше нет — ты истекаешь кровью —
И снова падаешь в борьбе изнемогая.
И стону твоему не внемлет больше Небо,

И жертв твоих оно уж больше не приемлет,
И вздоху тяжкому груди твоей увядшей
Не отвечает Эхо смехом и весельем
В тиши долин твоих и на вершинах гор.
С тоской уходишь ты и горькою печалью
В пустынный мрачный мир, в неведомые дали;
Навек уходишь ты в тот изначальный хаос,
Где жизни больше нет и нет уж к ней возврата.
И ледяной покров дыханием холодным
Сожмет твои уста преступные навеки,
И солнца яркий свет весенний и прекрасный
Не оживит тебя уж никогда.
Луна кровавая с улыбкой сострадания
Не скажет в этот час: прости, моя сестра!
Посмотрит издали шутя и равнодушно
И снова спрячется в прозрачных облаках.
Взгляни, взгляни! Вот мчатся за тобою,
Готова месть тебе, Эриннии святые.

Настал всему конец, последнее забвенье.
Паденья час настал. Прости, прости, прости!

* * *

О, бедная Земля! Ни слова сожаленья
Никто не вымолвит в час гибели твоей:
Жестокой участи судьба твоя достойна,
Судьба — насмешница — коварная и злая.
Взгляни же, жалкий труп, бездушный и холодный
Глашатай крови, зла, взгляни же на себя!
Сотни все капли слез, пролитые веками,
Сотни мученья все, Голгофы и Кресты!
Тяжелый дым удушливый и знойный
Повис, как ночи тьма, чернея над тобой.
И кровь детей твоих, тобою же убитых,
Дымится в этот час и мстит детоубийце.
В ветвях твоих весов, средь вечного безмолвия,
Не слышна больше Песнь Экстаза соловья;
И, вместо алых роз, в садах твоих безлюдных
Растет зловеющий Мандрегор.
Коварством, ядом зла, дыханием змеиным
Ты жизнь наполнила и воздух отравила.
Убийство, злобу, месть и черное злословье
В сердцах людей ты пробудила.
Вертеп любви продажной и развратной!
Толпы безчувственной нарядная царица.
Пандора вечная и пьяная вакханка,
Рабыня деспотов, возлюбленная, жрица.
В чаду пиришеств твоих кровавых и жестоких
Погас Свободы свет. И мрачной пеленою
Позора, рабства, тьмы, отчаянья, страданий
Покрылась всюду ты... И слышится проклятья...
Вся жизнь — крошечный Ад и тапец Океана
Среди далеких берегов.
И рокот воли ее протяжный и унылый
Несется к острову Теней и Мертвецов.
Убийца, людоед, злодей и подкигатель
Таятся в образе и виде человека.
И нет деяням их — деяням, безпределным—
Суда достойного, конца и воздаянья.
Любовь отвергнута, забыто состраданье
В кошмаре жутких дней предательства и казней;
Иуда — жизни царь — злорадно торжествуя,
Встречает Каина лобзаньем и приветом.
Поруган жертвенник, осмеяны святыни,
Погас последний луч отрады и мечты.

И всюду царствует и ужас, и презренье,
Железо, муки, кровь и пытки, и огонь.
Прости, прости, Земля! Последние мгновенья
Ты продаешь свое поруганное тело.
Возмездье близится и настает День Гнева.
Прости же, грешница! Прости, прости, блудница!

* * *

И вот прошли века. И радость воскресенья
Дарует вновь тебе Предвечного желанье.
Исчезла всюду тьма. И песней Возрожденья
Встречаешь снова ты ликующее Солнце.
Оно уже взшло. И радостные слезы
Венчают муки все и долгие страданья
И вновь в его лучах торжественно сияют
Одежды белые, одежды голубые.
Поля уснувшие, умершие долины
Полны движенья вновь, цветов, благоуханья.
Забыты муки все. Сном кажется бывшее,
Тяжелым, мрачным сном и бредом отошедшим.
Исчезло всюду зло, проклятие, презренье,
Насилья вечный гнет, яд мести и угроз,
И вот, сияньем звезд, в земном преображеньи,
Приходит в мир опять и Будда, и Христос.
И мы встречаем их, пришедших в ореоле
Любви божественной, величия и славы
И все, средь алых роз и лилий белоснежных,
Как дети нежные, к ним руки простираем.
И в синеве Небес далекой и безбрежной
Мы видим Храм Его и Свет Неугасимый
И все стремимся ввысь мы к Родине забытой,
К чертогу Мудрости и Тайн Непостижимых.
Курится фимиами. Священными огнями
Украшен путь к Нему отрадный и прекрасный.
И мы опять пред Ним и Вечным Милосердьем
В тиши молитвенной колена преклоняем.

* * *

Привет тебе, Земля, о мать моя родная!
Земли Грядущего, тебе, тебе привет!
Созданье каждое тебе слагает гимны,
Тобой, тобой живет и рыцарь, и поэт!..

ПРИЗЫВ НАШИХ ЯПОНСКИХ ТОВАРИЩЕЙ.

Дорогие товарищи!

Мы должны сообщить вам о жестоких интригах японского правительства.

Первого сентября множество ужасных землетрясений произошло в Токио, пожар охватил много других мест. Со времени этого происшествия правители Японии решили произвести поголовные аресты всех, так называемых корейцев, — "непослушных корейцев", — анархистов, синдикалистов и юнионистов. Сначала они быстро распространили пагубную пропаганду между беженцами, "Остерегайтесь корейцев, потому что они бросают бомбы, поджигают дома и отравляют колодцы и пищу". И эта заблуждающая пропаганда проявила свое действие; буржуазия мобилизовала всех негодяев и создала "самозащиту" на каждой улице. Были мобилизованы потешные и ветераны для ареста корейцев и правительство разрешило открыто носить оружие, главным образом длинные сабли, револьверы и бомбометатели. В течение трех дней они перебили больше тысячи корейцев, мужчин и женщин, абсолютно без никакого суда и следствия. Они просто арестовывали людей на улицах, по подозрению, и здесь же моментально избивали их до смерти. Тем не менее, много японцев, говорящих на различных диалектах, встретили смерть подобным образом.

С третьего сентября, Токио и окружающие его провинции были отданы под военное наблюдение, и множество солдат с обнаженными штыками были расположены по всем разрушенным и частью оставшимся улицам. Они продолжали избивание корейцев и когда их уничтожили, то оставшиеся несколько сот страдали невыразимо в заключении в саду Мавзолея и на эспланаде близ Токио. Это было сделано с целью доказательства, что правительство делало усилия охранять корейцев от гражданского наказания, после того, как правительственные интриги (так называемые "высшие политические соображения") сыграли свою роль.

Тогда началась их ужасная вторая сцена, т. е. выметание революционеров. Главное поли-

цейское правление тайно пропагандировало, что анархисты и социалисты объединились с корейцами грабить и сжигать дома, а поэтому люди должны остерегаться и их; сыщики уговорились с капиталистами тайно помогать им в этом правительственном заговоре. И в скором времени начались поголовные аресты анархистов и юнионистов. Третьего сентября были арестованы на улице Ошима секретарь юниона "Жун Родо Нумиан", К. Хиросава (37 лет) и девять других синдикалистов и в полицейском участке Камсидо были тайно изрублены до смерти саблями кавалеристов. Их трупы были сожжены вместе с десятками корейцев объединенными силами полиции и военщины. Когда умирали — товарищи воскликнули: "Да здравствуют рабочие"!

До шестого сентября несколько сот анархистов, синдикалистов и социалистов были заключены в тюрьму во имя "безопасности" в душных камерах полицейского правления. Жандармы и полицейские угрожали им штыками.

Товарищи, которые еще не попали в тиски полиции, выслеживались жандармами и полицейскими в их домах.

16-го сентября известный анархист Сако Осути (39 лет), редактор анархического еженедельника "Родо Нудо" (Рабочее Движение), № 15 Катамачи Хонго, Токио (его дом был вне города), был жестоко задушен жандармским капитаном Амакаса и его лейтенантом Мари в жандармской штаб-квартире в Токио, вместе с своей женой Мо Ито (20 лет). Его малолетний племянник Монеказу Течбауна (7 лет) был так же задушен жандармскими ефрейторами.

О совершенных делах против Хамашида и Хада уже все известно, хотя, может быть, и неправильно сообщалось, но правда о ребенке еще не известна и должна быть рассказана. Он родился 14 апреля 1917 года, в ресторане своих родителей Сарабура (отец) Тачибана и Акаме (мать), в Портланд Орегон, в Соед. Штатах С. А., и поэтому, конечно, имел право на американское подданство. Он только что возвратился

с своей матерью в Японию.

Прежде ареста Амакаса, командир военной предосторожности и жандармский командир были вдруг отстранены от своих обязанностей; причины их устранения не были опубликованы.

Осуги, Мо и Манеказу, в тот самый день все вместе стояли возле дома на Кашуаге, Токио, вдруг они были схвачены и на автомобиле отвезены в жандармские бараки. Там их тайно убили, а их обнаженные тела опустили в колодезь; их одежда была сожжена до пепла. Так они старались скрыть следы преступления и преступника капитана Амакаса, который в своих показаниях хвастливо заявлял, что совершенный им акт является его патриотической искренностью и совершен им лично, но мы уверены, что это глупая ложь. Если бы он предпринял это преступление по своей личной инициативе, то тогда ему не нужно было сопровождать Осуги в жандармское правление, правительство не нужно было бы отстранять командиров.

Другое дело если бы его поступок исходил из общественной идеи патриотизма, то он бы не вынужден был прятать преступление.

Поэтому мы ясно можем прийти к заключению, что эти четыре жандарма-заговорщика были ничтожной жертвой систематически подготовленной интриги японского правительства. Но эта интрига, к несчастью для правительства, была открыта благодаря перебранке полиции и жандармерии, или между местным департаментом и военным из за признания капитана Амакаса, на первом следствии, 8-го октября. Там он сознался, что его подстрекал капитан Яко-

башского полицейского участка (возле дома Осуги) убить Осуги пока военная предосторожность управляет Токио.

Об убийстве десяти синдикалистов кавалеристами было также запрещено говорить в прессе и только когда был открыт первый суд над Амакаса вся пресса начала угрожать окружным полицейским правлениям и наконец-то правительство с трудом и неохотно разрешило напечатать эти новости и только под давлением ответственности официальное преследование не решительно движется в этом, скорее, застарелом преступлении.

1-го октября товарищи, которые были раньше закованы, были освобождены, но, тем не менее, бесчисленное количество штыков безпрестанно стережет вокруг их домов. Это ясно доказывает, что они ожидают лишь благоприятного момента, что бы уничтожить нас, поэтому мы в настоящее время находимся в крайней опасности, переносим крайне нестерпимую агонию за наших убитых товарищей, мужчин и женщин.

Даже носить траур по убитым мученикам строго запрещено.

Товарищи всего мира, помните всегда, что японское правительство является смертельным врагом всего человечества, и что мы, японские анархисты, будем бороться безпрестанно с этим кровавым врагом до тех пор пока мы имеем возможность дышать.

Союз Анархистов Токио.

Токио, 10-го Октября 1923 г.

ВОЗРОЖДЕННЫЙ КИТАЙ.

В этот праздник первомайский,
Праздник светлый, трудовой
Поднимись, народ китайский,
На борьбу с своей судьбой.
Казнь Дракона — сон тяжелый
Ты, народ, с себя страхни
И на жизнь в тревоге новой
С бодрой радостью взгляни.
Прочь покорность! прочь смирение!
Возродись в борьбе, Китай!
Дух могучий Разрушенья,

Желтолицых пробуждай.
Вы, китайцы — землеробы,
Прочь от рисовых полей!
Черным знаменем Свободы
Устрашите палачей.
Эй, кули, бедняк бездомный,
Обездоленный кули,
Поднимись лавиной темной,
Все сметая на пути!
Мандаринов — казнокрадов
Не щади и не прощай,

Уложи их в землю рядом
 И живыми закопай.
 Плутократов высших рангов
 И иной сановный люд
 Утопи в Ян-тсе-Кианге,
 Пусть в волнах они плывут.
 Злой судья, страшнее тигра,
 А чиновник, злей змеи;
 С ними ты шальные игры,
 Игры красные веи.
 Уничтожь врагов народа,
 В крови выкупай весь край:
 Дуновением Свободы
 Пусть очистится Китай.
 Старый бог, мудрец Конфуций
 Умирает от тоски;
 Бродит Призрак Революций

По лицу живой земли.
 Трепещите, мандарины,
 Трон покинет богдыхан.
 Ныне срок кратчайший дан.
 Этим сроком мы пугаем
 Всех властителей земных;
 Оживится с первым маем
 Скучный вид равнин родных.
 Встрепенутся грозно люди
 И восстанет вся страна, —
 Это будет, это будет
 Первомайская волна.
 В этот праздник первомайский,
 Праздник светлый, трудовой
 Поднимись, народ китайский,
 На борьбу с своей судьбой.

Анатолий Консе.

— «0000000» —

ПАМЯТИ АНАРХИСТОВ, ПОГИ БШИХ В БОРЬБЕ ЗА АНАРХИЮ.

С насильем в открытом бою,
 вы умерли смертью героев:
 жизнь вы отдали свою,
 в стремлении к безвластному строю.
 В наших рядах вы борцами
 кровь проливали в борьбе,
 стойко стояли меж нами
 в нашей рабочей среде.
 Всюду, где крики и стоны,
 там где лишь казнил палач,
 вы нарушали законы,
 вы прекращали там плач!
 Слово свободное сея,
 меж угнетенных-друзей
 вы защищали идею
 жизни безвластной людей.
 Вы государства и власти
 были врагами всегда,
 смело боролись за счастье —
 равенства, братства, труда.
 На ваше призывное слово,
 стал собираться народ,
 с радостью, снова и снова,
 ринуться жаждал вперед.
 Власть кровавая, мерзкая,
 вас победила потом:
 Наглая, грубая, зверская,
 била вас власти кнутом.
 Долго в застенках томилась,

пагло смеясь и грубя: —
 вырыта была могила,
 вам дорогие друзья!
 Подло, трусливо убила,
 вас кровавая власть,
 ваши же трупы зарыла,
 где-то далеко от нас.
 Жертвою мести богатых
 вы пали за дело любви,
 мы отомстим супостатам,
 мощным восстаньем борьбы.
 Вашим заветам свободным,
 вечно мы будем служить, —
 подвигом общим — народным,
 нашим душителям мстить.
 Вашим идеям безвластным,
 будем других мы учить;
 труд наш не будет напрасным
 скоро набат зазвучит!
 Нашу свободу поправшим,
 бросим мы вызов рабов.
 Мощной волною восставших,
 власти сорвем мы покров.
 Жизнью прекрасной, свободной,
 будем без власти мы жить,
 всею семьею народной
 анархию будем творить!

П. Михайлов.

ОТЧЕТЫ И ЗАЯВЛЕНИЯ.

ОТЧЕТ ФЕДЕРАТ. КАССЫ С 1-ГО ПО 30-Е ДЕКАБРЯ 1923 Г.

ПРИХОД:

За "В" и лит.:

Инт. Фалле "В"	3.00
Инт. Фалле, фонд "В"	1.00
Тиминс К.	1.00
Вес. Гевен	0.90
Пибоды	1.50
Дет—т	24.20
Дет—т, лит.	67.16
Дет—т, фонд "В"	4.20
Бал—р	70.00
Бри—т	6.00
Ки—ер, К.	2.00
Гам—н, К.	5.00
Фил—ия	8.00
Б—он	2.00
Чик—о	5.25
Чик—о, фонд "В."	5.00
Н. И.	13.95

Итого прихода — 220.16

РАСХОД (за тот же период):

Издание жур. "В." № 48	159.00
------------------------------	--------

Рассылка	12.50
Пер. ст.	4.40
Мелкие	3.07
Итого расхода —	178.97

Приход — 220.16

Дефицит с нязбоя на декабрь — 14.43

Расход — 178.97

В кассе на Январь 1924 г. — 26.76

ЗАЯВЛЕНИЕ РЕД. КОЛЛЕГИИ.

Вопрос о финансировании "Волны" обсуждался на последней Районной Конференции группы, товарищи высказались, что поступление средств на издание журнала в значительной мере зависит от успешности распространения его на местах и своевременной присылки денег за проданные номера.

Конференция рекомендовала также, чтобы группы предприняли шаги для создания издательского фонда.

Товарищи! Необходимо сделать все возможное в наших силах в смысле сбора средств на издание журнала, чтобы обеспечить его выпуск в увеличенном размере, в каком он уже несколько месяцев выходит.
